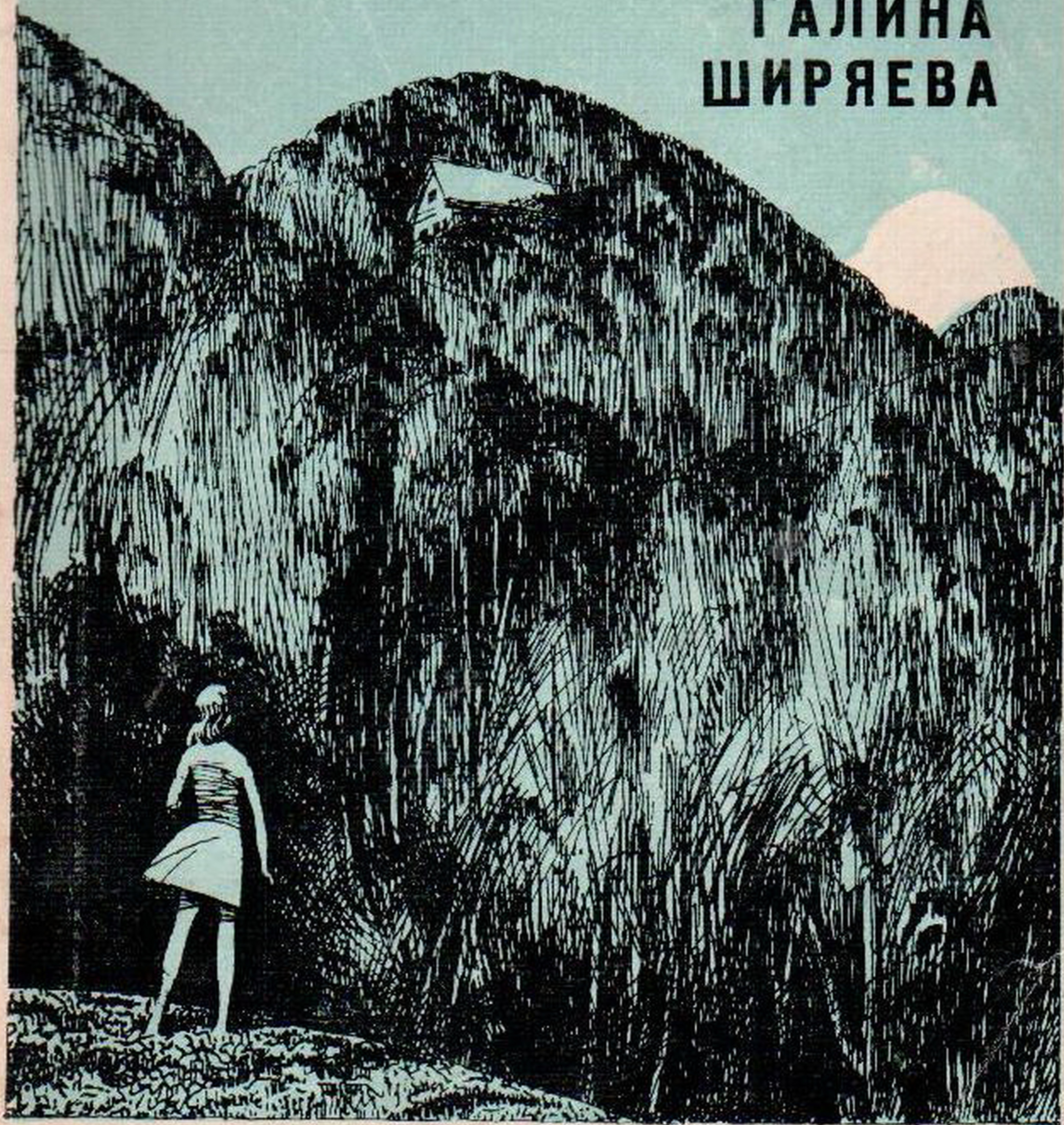

ГАЛИНА
ШИРЯЕВА

ГЮРГИ-ДЮРГИ-ДЮК

ГАЛИНА ШИРЯЕВА
ГЮРГИ-ДЮРГИ-ДЮК

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Успенского

ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1970

P2
Ш64

Ширяева Г. Д.

Ш64 Гюрги-Дюрги-Дюк: Повесть / Рис. В. Успенского. —
Саратов : Приволжское кн. изд-во, 1970. — 128 с., ил.

Цена 17 к.

«Гюрги-Дюрги-Дюк» - это повесть, в центре которой находится саратовская девчонка Юлька 14 лет. Она беззаботна, любит декламировать стихи, петь песни, смеяться со своими подружками, а временами тоскует по своему папе, который погиб 9 лет назад.

Ш 4803010102—211 299 : 70 .
M101(03) 70

© Предисловие. Иллюстрации.
ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, САРАТОВ, 1970 г.

Славным ребятам из села Курень, Бахмачского района, Черниговской области, берегущим братскую могилу, в которой лежит и мой отец, посвящается эта повесть.

Автор

1. «ГДЕ-ТО ЕСТЬ ГОРОД, ТИХИЙ, КАК СОН...»

Юлька не стала дожидаться, когда мать придет с работы, принялась укладывать вещи сама. Сначала она положила в чемодан все, что было у нее летнего, — все платья, тапки, новые туфли, а потом втиснула в чемодан еще две теплые кофты, свитер, платок и поискала глазами на вешалке, что еще можно взять... Пусть упрасивают, если хотят, чтобы Юлька осталась!

Ей очень хотелось, чтобы ее упрасили. Хотя, собствен-

но говоря, она могла просто сказать, что раздумала ехать — и все! Ведь мать, сообщив вчера деду номер Юлькиного рейса, в телеграмме сделала оговорку: возможно, Юлька еще раздумает лететь, пусть он на всякий случай не беспокоится, если Юльки не окажется в самолете.

Но подруга Любка, узнав вчера об этой телеграмме, многозначительно усмехнулась и сказала, что все идет так, как и положено. Именно так, как она, Любка, предполагала и предсказывала. И добавила при этом, что все это очень здорово напоминает ей ту двадцать третью страницу из «Овода», где Артур и кардинал Монтанелли решают, ехать или не ехать Монтанелли в Рим.

И Юлька, поразмыслив, сегодня утром гордо сожгла все корабли, заявив матери, что ее решение ехать к деду и прогостить у него до самого сентября — окончательно и бесповоротно...

Все произошло до смешного глупо и непоправимо! Самое обидное то, что Юлька влипла в эту невероятную историю сама, собственными силами и никто в этом не был виноват, хотя, конечно, влипнуть ей в эту историю здорово помог Василий Леонтьевич.

Он появился месяца два назад и бесцеремонно, не спросясь, протаранил Юлькину жизнь, разделив ее на две части — на ту, которая прошла в общем-то терпимо, и на ту, которая еще только начиналась и от которой можно было ожидать всяких неприятностей...

Правда, Юлька простила ему это из-за матери. И еще из-за того, что он курил сигареты, потому что Юлька любила медленные синие колечки папиросного дыма в комнате. Вспоминался тогда очень ясно уже почти забытый ею голос отца, его крепкие, тугие ладони под Юлькиными ладошками и его необыкновенные, уже никогда нигде потом не слышанные ею песни:

Когда полыхают зарницы,
Приходит гроза из-за гор,
Поближе к окошку садится
Мой старый товарищ майор...

Юлька любила петь, когда была одна в комнате. А еще она любила заучивать самые интересные отрывки из любимых книг, в особенности концы, и читать их наизусть где-нибудь в пустом помещении, чтобы голос звучал красиво и громко и чтобы просыпалось эхо, всегда спящее по углам больших и пустых комнат... Именно за этим занятием и застала Юльку вернувшаяся с работы мать в тот печальный вечер на прошлой неделе, когда глупая невезучая Юлька влипла в историю. Юлька стояла посреди комнаты и голосом старого одинокого Бальтазара призывала:

— Ихтиандр! Ихтиандр! Сын мой!

— Опять конец из новой книги, да? — спросила мать заинтересованно и серьезно, и это Юльку страшно разволновало. Обычно Юлькины спектакли смешили или сердили мать — в зависимости от ее настроения.

— Н-надоело! — выпалила Юлька неожиданно.

Она хотела сказать совсем не то, она хотела спросить, накрывать на стол или подождать немного, но споткнулась на букве «к» в слове «накрывать». Когда Юлька начинала волноваться, она, хоть убейте ее, никак не могла выговорить именно то, что хотела сказать.

— Что тебе надоело? — тревожно понизив голос, спросила мать.

— Н-надоело, — сказала еще раз Юлька, отчаянно заикаясь даже на тех буквах, которые обычно ее никогда не предавали. — Н-надоело, что в-вы с н-ним н-никак не п-поженитесь...

Мать радостно улыбнулась Юльке и объяснила ей уже давно ясное: они с Василием Леонтьевичем пока не могут пожениться потому, что Василию Леонтьевичу не дали квартиру. Не могут же они втроем жить в одной тесной комнате. Вот дадут ему в сентябре квартиру, и тогда они поженятся и будут жить все вместе хорошо и мирно. Если, конечно, Юлька ничего не будет иметь против.

— Зачем же в сентябре? — скорбным голосом одинокого Бальтазара спросила Юлька. — Ведь я же все равно собиралась на август поехать куда-нибудь.

— Но при чем здесь ты? — воскликнула мать.

— Я ни при чем, — подтвердила Юлька, в свою очередь радуясь тому, что они этот проклятый, тоже давным-давно выясненный вопрос еще один раз выяснили окончательно. — Просто я собиралась поехать. Вон Любка, кажется, опять собирается к своей няне Мане, а я все лето сижу и сижу...

— Ну, а к кому ты можешь поехать? — в деловитом раздумье спросила мать.

Эта деловитость в ее голосе насторожила и обидела Юльку. Ведь только-только они снова выяснили, что Юлька «ни при чем»!

— А что? — спросила Юлька сухо. — Разве мне уже некуда уехать?

В самом деле! Ведь Юлька каждый год куда-нибудь ездила: то к Любкиной няне Мане, от которой они с Любкой всегда вылетали с треском, потому что приезжали к ней с расчетом пожить самостоятельной жизнью, то в Ленинград к Любкиной тетке, то к тете Вере, сестре Юлькиной матери, от которой Юлька обычно уезжала через неделю сама... Вообще все Юлькины поездки были всегда неожиданными, веселыми и какими-то суматошными, словно она от кого-то удираала. Мать реша-

ла о поездке сразу, в два-три часа, и уже вечером или утром следующего дня Юлька летела, ехала или плыла куда-нибудь — или одна, или с матерью, или с Любкой, или чаще всего с бабушкой. А еще раньше — с отцом, которого теперь уже нет. Девять лет назад, когда Юльке исполнилось пять лет, в один из зимних дней на Соколовой улице он швырнул свой грузовик в сторону, чтобы не сбить какого-то идиота, лезущего под самые колеса, и врезался в железный столб. Он и сейчас стоит там, этот столб, чуть покосившийся с тех пор. А прохожие говорят: «Пьяный шофер когда-то врезался...»

В тот же год ушел из Юлькиной жизни и дед. Хотя дед и не умер вовсе! Он даже писал Юльке письма иногда, он даже приезжал к ним несколько раз — уже после того, как его сына, Юлькиного отца, не стало. Юлька помнила деда сидящим в их тесной комнате за столом — большого, седого, в военном кителе. Он сидел за пустым столом и молчал, словно ждал чего-то. А Юльке к тому времени было уже совершенно безразлично, чего он ждет и зачем приехал. Они сидели с бабушкой в кухне, предоставив матери право занимать гостя, и бабка шептала: «Явился! Соскучились! И сам ненормальный, и сын у него ненормальным был...» Почему Юлькин отец был ненормальным, Юльке так и не удалось понять. Но то, что деда надо было не любить, она поняла. Это было не очень трудно. Тем более, что он и не приезжал больше. Правда, начал писать письма — почему-то не матери, а Юльке. Последнее письмо от него, написанное два месяца назад, валялось где-то в Юлькином столе. Это было единственное дедово письмо, которое Юлька прочитала сама: все остальные она отдавала матери нераспечатанными. Сначала она это делала, чтобы доставить матери приятное, а потом это уже

стало обычаем. Мать читала письма от деда сама и отвечала на них всегда одинаково, потому что и дедовы письма были одинаковыми. «Здравствуй, Юля, — писал дед так, словно они с Юлькой виделись лишь на прошлой неделе и словно никогда и не были врагами. — Ну, как ты там и что у тебя нового в жизни?..» И заканчивались эти письма непременно одной и той же вопросительной и осторожной фразой: «А может быть, вы с матерью все-таки надумаете приехать погостить?» И то, последнее, единственное прочитанное Юлькой письмо, что валялось теперь в письменном столе, начиналось и заканчивалось так же, как и все остальные. Юлька матери его не показала, потому что матери, как и Юльке, в то время было не до дедовых писем — ведь и ее жизнь протаранил насквозь Василий Леонтьевич!

Юлька ответила на письмо сама — точно так же, как обычно отвечала мать, даже зачем-то подделываясь под ее почерк: «Здравствуйте, уважаемый Георгий Александрович! У нас все по-старому, все хорошо, даже и писать-то не о чем. В этом году приехать не сможем. Спасибо за приглашение. Всего вам хорошего. Ю. Витанович».

Подписалась она солидно, размашисто, даже как-то по-хозяйски, словно хотела подчеркнуть, что фамилия Витанович — ее личная собственность и ни один человек в мире не имеет больше прав на эту редкостную и красивую фамилию...

В тот самый вечер, когда Юлька влипла в историю, она вовсе не собиралась вспоминать про то дедово письмо. Получилось все неожиданно и нелепо. После того как Юльку спросили в раздумье: «Ну, куда ты можешь поехать?», а Юлька в свою очередь спросила вызывающе: «А разве мне уже некуда уехать?», мать резко подняла голову и посмотрела на Юльку так, что та сразу улови-

ла в ее взгляде тревогу. Конечно же, тревога эта появилась из-за слова «уехать»! Оно было каким-то окончательным, и исправить его на другое, как в школьном сочинении, было трудно. Надо было что-то срочно придумать!

— Ты знаешь, а ведь этот дед мне опять прислал письмо, — произнесла Юлька медленно, почти нараспев, чтобы выиграть время и придумать, как и чем успокоить мать. — И ты знаешь, я ему ответила...

— ...что ты приедешь?!

Это получилось так неожиданно и невероятно, что у Юльки зашумело в ушах, словно она подставила голову под душ. Юлька даже на несколько секунд оглохла. У нее и в мыслях не было связывать их разговор о поездке с дедом!

— Ага, — глупо сказала Юлька, хватая ртом воздух и почти не слыша своего голоса. — Ага.

Самое удачное на свете слово — это проклятущее «ага»! На нем никогда не споткнешься!

— Так, — произнесла мать обиженным и растерянным голосом. — Никак не ожидала от тебя, что ты будешь вести какую-то тайную переписку!

Именно в этот момент Юльке надо было отступить и признаться, что она сказала это проклятое «ага» от растерянности, просто так, потому что н-никакого другого п-подходящего слова ей не п-подвернулось... Но упрямая Юлька никогда не делала сразу того, что ей положено было сделать. Она не отступила, полезла еще дальше в наступление, конец которого ей не сулил ничего хорошего...

— Если разобратся, — сказала Юлька, — т-то в-ведь это он с т-тобой в ссоре, а со м-мною ведь он не ссорился.

— Да, — сказала мать все тем же обиженным голо-

сом, словно это Юлька ее предавала, а не она предавала Юльку. — Ты здесь ни при чем.

— Я ни при чем, — снова подтвердила Юлька.

— Вот и прекрасно. Вот и договорились. Вот и поезжай.

Вот и все! Вот так все и кончилось! Вот и влипла!

* *
*

Деда Юлька почти не помнила. От далеких коротких встреч с ним еще при жизни отца и потом, когда он приезжал и сидел за пустым столом, у нее не осталось в памяти почти ничего. Юльке больше запомнился город, в котором дед жил и куда отец возил ее совсем маленькой девочкой. Город был зеленый, красивый. В нем — большие дома под голубым небом и прозрачная солнечная пыль на улицах, пробивающаяся на тротуар сквозь зеленую листву огромных деревьев. Все, как в любимой Юлькиной песне о городе, похожем на сон. Юлька любила петь эту песню, но все-таки больше она любила петь те отцовские, уже никогда не слышанные ею потом песни. Это были песни его детства, и Юльке было непонятно, почему так легко ушли они от людей. Может быть, потому, что люди легко расстаются с детством? Наверно, это так. Вот и Юлька рассталась с ним легко. Оно цеплялось за нее, как в походе надоедливые колючки цепляются за подол и за чулки, но Юлька отцепляла его от себя безболезненно. И уж не думала она, конечно, что когда-нибудь ей придется вернуться назад к тому, что осталось в ее детстве. Ей казалось так: дед остался навсегда в ее детстве, ему нечего было делать во взрослой Юлькиной жизни, ведь он был врагом ее матери. Он был отделен от них крепкой, вечной стеной. Он построил эту стену сам. Давно. Когда Юль-

ки еще не было на свете. Правда, потом, когда родилась Юлька, они помирились, и отец даже возил дочь к деду, но ни мать, ни Юлька ему все равно ничего не простили. А после смерти отца их вообще больше уже ничего с дедом не связывало, кроме дедовых писем с заискивающими предложениями приехать к нему погостить и редкостной фамилии Витанович, которую он все-таки носил тоже... А подлизывается он к ним теперь потому, что остался один!

* * *

— Ты что, на Северный полюс, что ли, собралась? — весело спросила мать сразу же, как только вошла в комнату и увидела забитый вещами чемодан. — Зачем же так много?

— А пусть не думает, что мы бедные родственники, — сказала Юлька и запихала в чемодан еще и осенние полусапожки.

— Ну а сапожки-то зачем?

— А может, там грязь непролазная!

Она произнесла это с величайшим презрением, бессовестно предавая свой сказочный город из детства, а мать никак не отозвалась на это предательство, тем самым тоже предавая город своего детства, в котором теперь не хотела жить из-за деда. Она молча отошла от Юльки и зачем-то стала смахивать ладонью пыль с буфета. А Юлька еще утром смахнула с него пыль. И с пепельницы тоже. Или мать забыла о том, что Юлька уже давно не боится больше этой пепельницы, похожей на мертвую голову старого гнома, от которой когда-то в страхе шарахалась?

И вообще, почему это в детстве все кажется таинственным и немного страшным? Любая пустяковая вещь.

Стол, например. Вырастаешь и узнаешь, что это стол и ничего больше. А в детстве он кажется таинственным и странным, его резные ножки похожи на лапы сказочного существа, его поверхность — как черное, без единой волны, мертвое море. А если забраться под стол и сесть на перекладину, то это — темная пещера, в которую почти не проникают свет и жизнь, лишь колыхнется бахрома зеленой скатерти от твоего дыхания.

Юлька уже уложила вещи, а мать вытерла пыль и с буфета, и с телевизора, и с обоих подоконников, когда явился Василий Леонтьевич — шумный, какой-то дорожный, шелестящий от плаща-болоньи. Он заказал такси и был готов тащить тяжелый Юлькин чемодан до самого самолета. Вообще многое облегчилось в их жизни с тех пор, как он появился, но все равно появился он совершенно ни к чему... Здороваясь с Юлькой, он протягивал ей огромную загорелую руку с тугой, как и у отца, ладонью. И Юльке было неприятно оттого, что он напоминал ей отца, напоминал очень, хотя у него были редкие светлые волосы на большой голове с залысинами, грузная фигура, выпуклые голубоватые глаза и огромные руки. Отец же запомнился Юльке темноглазым и темно-волосым, стремительным, как тот сумасшедший грузовик, на котором он врезался в столб. Если бы Юлька родилась похожей не на отца, а на мать, может быть, все сейчас было бы чуточку проще? Может быть, дед тогда и не очень приглашал бы ее в гости?

Еще через десять минут явились Любка с Наташей, тоже какие-то по-дорожному суетливые и шумные. Наташа, конечно, пришла, чтобы посмотреть на Василия Леонтьевича, которого она еще не видела, и чтобы показать миру свое новое платье и новую прическу.

— Сейчас умрешь! — сказала она шепотом, когда

Юлька открыла ей дверь, и тут же повернулась к Юльке затылком.

Такую прическу Юлька уже видела где-то у кого-то и не умерла...

А Любка пришла, конечно, для того, чтобы лишний раз напомнить Юльке лично свое мнение по поводу предстоящего Юлькиного отъезда! Когда мать забеспокоилась, что всем не хватит места в такси, Любка оглядела Василия Леонтьевича с ног до головы и заявила, что она поедет в аэропорт на автобусе от Крытого рынка и нарочно приедет раньше их...

Она и в самом деле приехала на аэровокзал раньше, а мать и Василий Леонтьевич еще долго собирались, долго суетились и шумно, иногда даже сердито, совсем по-семейному, ссорились, шуршали болоньями, охали, ахали, словно вещи еще и не были уложены и словно и в самом деле отправляли Юльку на Северный полюс. И Юльке еще больше не захотелось уезжать от этой уютной домашней суматохи. Но они этого все равно не поняли и, когда подкатило к подъезду такси, заторопились так, как будто это такси без них могло вот-вот взорваться вместе с шофером.

Оттого, что поехали по Большой Горной улице, проходящей совсем рядом с той самой Соколовой, Юльке стало так плохо, что ей пришлось хохотать и болтать без умолку всю дорогу. Мать даже обиделась и очень холодно и сухо сказала Юльке:

— Если он тебя плохо встретит, возвращайся сейчас же!

А ведь полагалось сказать это голосом мягким и добрым!..

Когда объявили посадку и пассажиры пошли к самолету, Юлька последний раз взглянула на Наташу, чтобы запомнить прическу и сделать точно такую же, как

только она вырвется в самостоятельную жизнь, потом на Любку, почему-то все еще не высказывающую свое мнение вслух, и хотела сказать им красивое, громкое слово «прощайте». Но это слово начиналось с коварной буквы «п», на которой Юлька спотыкалась чаще всего, и она промолчала. Мать же и Василий Леонтьевич, по-счастливому, по-семейному заулыбались ей и сказали:

— Ну, поскорей возвращайся, не задерживайся там.

— Пиши! — добавила за них Наташа.

Любка же, кажется, собралась наконец высказать вслух лично свое мнение по поводу Юлькиного отъезда: «Выжили они тебя, вот что!» Но в этот момент булавка, которой мать на всякий случай пристегнула записку с адресом деда к Юлькиному кармашку на платье, расстегнулась и впилась в Юлькин живот. Пока Юлька выпутывала булавку из платья, Любка раздумала высказываться и выпалила вслух совсем другое:

— Смотри, чтобы чемодан не украли!

Это напутствие Юлька расценила тоже как предательство. Прощаясь, она поцеловала только одну Наташу и пошла к самолету, нарочно не оглядываясь и заставляя себя злорадно думать о том, что, пожалуй, было бы неплохо разбиться, не долетев до деда. Наверно, в Юльке здорово сработала наследственность, и она уродилась в отца, такой же ненормальной...

В самом деле! Может ли нормальный человек, которому стукнуло четырнадцать, два дня переживать из-за того, что какому-то приезжему мальчишке не понравился ее город и ее Волга? А потом назначить этому мальчишке свидание в двенадцать часов дня на одной из самых людных улиц? И только для того, чтобы он посмотрел на эту улицу и восхитился — ведь она самая красивая в городе, на ней даже растут сосны... Первое свидание в жизни — и из-за сосен на Советской!

2. ВСТРЕЧА

На аэровокзале чужого города Юльку никто не встретил!

Может быть, дед любил все точное, и оговорка, которую мать сделала в телеграмме о Юлькином приезде, сыграла свою злую роль?

Юлька подождала у вокзала, потопталась среди людей на автобусной остановке и у стоянки такси в нескольких метрах от реденького облезлого леса. Удиви-

тельно! Никто не подошел к ней. И вообще здесь не было человека, похожего хоть чуточку на высокого седого старика с сердитым лицом и черными, как и у Юльки, глазами... И никто, абсолютно никто не реагировал на приветливо-заискивающую Юлькину улыбку!..

Когда прошел час бесполезного ожидания, обескураженная, готовая расплакаться Юлька в справочном бюро узнала, как ей добраться до Мельничной улицы, и влезла со своим чемоданом в переполненный автобус, хотя очень не любила стеснять людей своим присутствием. Тем более своим чемоданом! Автобус не сразу вырвался из прозрачной аллеи леса; и еще до того как показались первые дома города, чемодан успел отмотать Юльке руки до боли в пальцах.

— Ну и куда ты лезешь со своим чемоданом? Все ноги ободрала!

Юлька давно заметила: чем взрослее она становилась, тем хуже к ней относились взрослые. Она не умиляла их теперь, как раньше, а чаще почему-то сердила. «Это потому, — объяснила ей как-то мать, — что ты сама делаешься взрослой. А взрослые, вообще все люди, не любят друг друга». «Все?» — спросила Юлька. «Все», — ответила мать. И Юлька постаралась отгородиться от взрослых людей враждебной броней необщительности. Броня эта была не очень прочная, и Юльке не всегда удавалось отгородиться от людей. В особенности там, где их было много...

Но на этот раз она все-таки промолчала, отвернулась к окошку и стала смотреть на город, пролетающий мимо чужими домами и незнакомыми перекрестками... Может быть, время пригасило красоту этого города? А может быть, оно пригасило что-то в Юльке? Город разочаровал ее, хотя был не так уж и плох: нешумный даже в центре, с молоденькими липами вдоль тротуаров,

с уютными площадями, с улицами, застроенными большими пятиэтажными домами в красных и белых кирпичиках по фасадам. Но Юльке все равно почему-то он показался некрасивым, хуже, чем раньше. Ей стало грустно, и песня о тихом, как сон, городе, мучившая ее всю дорогу в самолете, безнадежно умолкла.

* *
* *
* *

До улицы, где жил дед, Юлька добралась почти благополучно. За все время долгого и незнакомого пути с двумя пересадками она только один раз сбилась с дороги. И, когда выбралась, наконец, на Мельничную — тихую и спокойную улицу, совсем недалеко от центра и от Главного почтамта, сразу вспомнила, что видела эту улицу когда-то! Зеленую, красивую, похожую на громадную лестницу, ступеньками-домами спускающуюся к голубоватому в солнечную погоду озеру, затененную пышными деревьями — по два-три дерева у каждого дома-ступеньки. День уже шел к концу, и живая тень шевелящихся листьев, от которой покатый тротуар казался когда-то пестрым, а солнце зеленым, была вытеснена с улицы другой тенью, от домов, неподвижной и тяжелой.

Дом, где жил дед, был угловым, и из трех его подъездов два выходили в узенький короткий переулок. Подъезд же, в котором находилась квартира деда, — на тихую Мельничную.

С трудом волоча тяжелый чемодан, вконец отмотавший ей руки, Юлька поднялась на четвертый этаж и позвонила в сорок восьмую квартиру с блестящей желтой табличкой на двери «Витанович Г. А.» Странно и неприятно было видеть свою фамилию, вывешенную напоказ на чужой двери!

Она ясно услышала, как за дверью в прихожей прозвенел звонок, потом, пугаясь, услышала тишину в квартире. Но это была чужая квартира, с чужой, незнакомой тишиной. Она могла обмануть Юльку — может быть, там, за дверью, все ходили крадучись, на цыпочках... Юлька позвонила еще раз и снова прислушалась к тишине. Нет, это была самая обыкновенная, самая нормальная квартирная тишина. Неужто в квартире никого не было?..

— Дед! А дед! — беспомощно позвала Юлька и постучала в дверь кулаком.

На стук сейчас же отозвалась соседняя квартира — дверь отворилась, и на площадку выглянула старушка в белой косынке, с очками, вздернутыми на лоб, и с очень сердитым лицом.

— Чего ты? — спросила она тревожно. — Куда ты?

— Я с-сюда, в сорок восьмую... Здесь живет м-мой дед.

— Так ты его внука! — с облегчением воскликнула старушка.

— Я внука, — смущаясь, подтвердила Юлька.

— Вот и слава богу! А то вся площадка по курортам. А я — что? Я и сама дачница, я и сама только на неделю покараулить приехала... Сейчас тебе ключ от квартиры принесу.

— К-как ключ? — испугалась Юлька. — А где же м-мой дед?

— Так в больницу же полег!

— Как в больницу? Зачем?

— А я и не знаю зачем. Кабы увезли, а то сам своими ногами вчера пошел. Просил тебе передать, что во Вторую больницу. Палату, мол, сама узнает. А квартиру без присмотра бросил — заходи, грабь кто хошь... А ключ мне оставил, сказал — внука приедет...

Она принесла ключ от квартиры и, напомним Юльке, что дедов почтовый ящик внизу забит газетами и депешами, которые прибыли вчера уже без деда и за которые она расписалась, ушла, прочно, словно навсегда для Юльки, захлопнув дверь охраняемой ею квартиры.

Первое, что пришло Юльке в голову, — это сейчас же вломиться к соседке, поругаться с ней, как с полномочным представителем деда, вернуть ключ и немедленно отправиться обратно на аэровокзал. Потом она немного успокоилась. В конце концов, Юльке-то что? Ключ ей оставили, вот дверь пустой квартиры, заходи, живи... К тому же Юлька имеет полное право подумать, искать ей или не искать эту самую Вторую больницу с дедом. Раз он пошел туда «своими ногами», уже зная о том, что к нему должна приехать долгожданная Юлька, значит, не так уж и болен, значит, пусть пеняет на себя!

С трудом отомкнув незнакомый, не поддающийся чужим рукам замок, она вошла в полутемную прихожую. Она помнила эту прихожую просторной и высокой комнатой, теперь же прихожая казалась маленьким тесным чуланом... Прямо — дверь в кухню, направо — в ванную, налево вот эта, застекленная под цветной занавеской, — в комнату, просторную и светлую. Все это Юлька помнила.

Она толкнула дверь, переступила невысокий порожек, и ее сразу окутал полумрак. Окна в комнате были плотно занавешены шторами. Юлька пробралась к ближайшему окну, наткнувшись по дороге на что-то большое и неуклюжее, стоящее посреди комнаты, подняла штору и огляделась.

Огромный блестящий рояль стоял посередине. Он заполнил собой всю комнату, оттеснив к углам старенький диван, несколько стульев, шкаф с книгами, пись-

менный стол. На рояле заметным слоем лежала пыль. Юлька поставила чемодан в угол и села на диван.

В комнате стояла старая-старая, из детства, тишина. Молчали стены, молчал рояль, даже шторы на окнах не пытались шелохнуться. Только беззвучно шевелились солнечные зайчики под опущенной шторой второго окна слева, словно хотели прорваться в комнату, спрятаться до утра от неуклюжих и громоздких теней, уже пришедших на первый этаж...

Когда-то она уже сидела вот на этом же самом диване! Она сидела на диване, а рядом с ней был отец, который придерживал ее рукой за плечо. А в комнате кто-то тихо играл на рояле. И оттого, что в распахнутом окне голубело небо, и оттого, что играл рояль и рядом были руки отца, готовые в любую минуту поддержать ее, если ей вдруг вздумается плюхнуться с дивана, — от всего этого Юльке было хорошо-хорошо. И небо казалось красивым, и музыка красивой, и голос отца — красивым и мягким... У Юльки тоже красивый и приятный голос. Если бы она не заикалась, она стала бы артисткой. Но голос ее звучит хорошо лишь в пустых комнатах, где прячется эхо.

— Ихтиандр! — вполголоса позвала Юлька. — Ихтиандр! Сын мой!

Эхо жило в комнате. Оно сейчас же отозвалось на Юлькин голос. Незвонкое и торопливое, но все-таки эхо. И, когда оно умолкло, Юлька поняла, что жило оно в рояле.

Юлька встала и на цыпочках подошла к нему. Старенький школьный рояль в актовом зале было запрещено трогать, он оживал только на уроках пения... А в Юльке жила музыка! В сердце, в голове, в кончиках пальцев! Она любила петь, и ее руки всегда тянулись к клавишам, но не умели играть.

Она осторожно подняла покрытую слоем пыли крышку и прикоснулась пальцем к белому клавишу. Рояль, как человек, отозвался таким жалобным и скучающим голосом, что Юлька тут же отдернула руку. И тут же потянулась к клавишам снова.

Когда кто-нибудь играл на рояле, ей всегда почему-то вспоминался высокий круглый холм у далекого горизонта, поросший зеленью, такой густой и такой темной, что не было видно дороги, ведущей на его вершину, — как большая зимняя шапка из темно-зеленого искусственного меха, очень мягкая и очень теплая. А на вершине этого холма — покрытая легкой дымкой, словно голубой капроновой тканью, красная крыша дома. Юлька не помнила уже, где она видела такой холм и такой дом. Может быть, это видел человек, который написал ту музыку, что исполняли на рояле? Он умер, а в музыке оставил для людей то, что видел когда-то. Он ходил по земле, и центр голубого небосвода всегда был над его головой — так же, как теперь он над Юлькой. Если даже уйти на самый край света, все равно он будет над Юлькой!

— Ох, и глупая же ты! — важно и снисходительно сказала ей как-то Любка, когда Юлька рассказала ей о себе и о небе. — Каждый человек считает, что именно он центр земли и что небо только для него одного и существует. А на самом деле — у каждого свое место в жизни. Да еще пока-то его найдешь! Вон у Наташи сестра третий год на филфак прорывается и все без толку.

Юлька понимала, что такое «свое место в жизни». И читала, и слыхала об этом сто раз. Но все-таки, когда она думала о своем месте в жизни, она всегда представляла его себе как то место на земле, где она, Юлька Витанович, будет жить, когда станет взрослой и начнет

самостоятельную жизнь. Очень подходящим местом для Юлькиного самостоятельного житья был, конечно, тот самый дом на круглом холме, покрытом голубой капроновой дымкой! Может быть, это какая-нибудь научно-исследовательская станция или центр заповедника? И там, конечно, живут очень добрые, приветливые люди, понимающие друг друга с полуслова. У таких не придется долго и мучительно допытываться в магазине, «к-кто п-последний» или «п-почем селедка». Сами все п-поймут...

Юлька провела у рояля часа полтора. Все подбирала и подбирала знакомую мелодию с холмом и домом под красной крышей, а она не слушалась ее, ускользала из-под пальцев, и все время выходило одно и то же ужасно надоедливое и неверное: «Где-то есть город, тихий, как сон».

Только когда стало ломить пальцы от усталости, Юлька оторвалась от рояля и вспомнила, что почти с самого утра ничего не ела, что надо сегодня же, как об этом просила мать, сообщить домой о своем благополучном приземлении и, что самое главное, наконец-то можно причесаться так, как мать ей причесываться не разрешала.

Она отыскала на кухне дедов утюг и выгладила самое лучшее свое платье — зелено-голубой костюмчик с плиссированной юбкой. Потом она надела новые туфли и распустила волосы по плечам так, что они легли большими красивыми кольцами. Это отец подарил ей такие волосы, у него они тоже завивались крупными тугими завитками. Зеркала в комнате деда не было, Юлька достала из чемодана привезенное с собой зеркальце-крохотулю и, по частям разглядев себя с ног до головы, окончательно убедилась в том, что она все-таки красивая и что впереди ее ждет нечто большее, нежели наг-

лый северный мальчишка, обругавший ее город и не полюбивший Волгу...

Кожаные подошвы новеньких туфель упруго подталкивали ноги вверх, и Юльке удивительно легко было идти. К столу за ключом и кошельком с деньгами она не прошла, а почти пролетела по старому скрипучему паркету и на лестничную площадку легко выпорхнула зелено-голубой бабочкой. Хорошо! Великолепно! Все в жизни идет хорошо и великолепно, это вам не житье у Любкиной няни Мани рядом с курятником и коровой Мушкой... Юлька по-хозяйски захлопнула дверь квартиры, так что на стук отозвался весь дом от пятого этажа до первого, и на негнущихся крыльях-подошвах спустилась вниз.

Солнце уже ушло из города, но воздух был окрашен в легкий красновато-оранжевый цвет — большая, в полнеба туча, собрав последний свет солнца, процедила его через себя и пролила на землю вместо дождика. Стояла духота. Похоже было, что туча готовилась все-таки пролиться настоящим дождем. Однако на Центральной улице, где находился почтамт и куда свернула Юлька с Мельничной, было многолюдно и шумно.

Почтамт Юлька узнала сразу по рекламе над фасадом и полквартила до него не прошла, а проплыла на подошвах-корабликах, отмечая про себя, что прохожие посматривают на ее волосы.

Телеграмму матери она отправила восторженную: «Долетела превосходно, все хорошо, крепко целую», нарочно умолчав о том, что дед ее не встретил. Зачем расстраивать человека, если у человека счастье и таранторпеда в болонье?.. И вообще почему это ей было удивительно хорошо? Словно впереди ее ждало что-то очень хорошее, большое. Нет, не просто хорошее и большое, а что-то необыкновенное, настоящее чудо! Может

быть, оттого это казалось ей, что она первый раз в жизни по-настоящему почувствовала себя совершенно самостоятельной? А может быть, был виноват красновато-оранжевый цвет воздуха — как в театре или во сне? А может быть, просто оттого, что на ногах были новые туфли? Смешно!..

Но уже на обратном пути, спускаясь по длинной широкой лестнице почтамта, Юлька поняла, что волшебные туфли-кораблики бессовестно ее предали — левый задник натер пятку, а мизинцу на правой ноге стало так тесно, что он почти онемел. Это было ужасно, это было непоправимо до слез — новые туфли так Юльке нравились! Она еле-еле доковыляла до скверика, примыкавшего к кинотеатру неподалеку от почтамта, нашла свободное место на скамейке и с облегчением плюхнулась на жесткое ребристое сиденье.

Сквер был небольшой, с густыми деревьями и с яркими, как бисквитные торты, цветочными клумбами... Юльке сразу же захотелось съесть целиком большой круглый торт с розовым кремом и бисквитными грибочками наверху... Она была богатой, мать дала ей на дорогу целых тридцать пять рублей, и часть из них можно было здорово прокутить. Если бы не туфли-предатели, Юлька уже сейчас бы разведала, продаются ли в этом городе шоколадные батончики с начинкой. Впрочем, вон до того углового гастронома можно будет доковылять...

Пожилая женщина, сидевшая напротив, на другой скамье, почему-то осуждающе покосилась на голые Юлькины коленки. Странно, ни Любки, ни Наташи рядом не было. Однако Юльке показалось, что, если она сейчас хоть до половины прикроет коленки, обе ее подруги громко засмеются где-то рядом... Вот точно так же чувствовала себя Юлька, когда шла на свидание с тем приезжим мальчишкой. Если бы свидание было назначе-

но настоящее, из-за любви, она не пряталась бы от Любки с Наташей. А то ведь из-за сосен на Советской улице! Назначая свидание, она была почти уверена, что приезжий мальчишка откажется прийти, и она уже придумала, как отомстить ему. Но он пришел ровно в двенадцать, как и договорились. Пришел и тут же начал ругать городской транспорт, из-за которого чуть не опоздал. А раньше в таких случаях он никогда не опаздывал!

«Давай дойдем до Волги, что ли», — сухо предложила ему Юлька. «Давай». Он не заметил сосен! Но что ему, северному жителю, эти сосны, на улице жаркого города, чахлые и пыльные!.. Он приехал неделю назад в гости к Юлькиному соседу с пятого этажа и за несколько дней пребывания в Юлькином доме успел обругать и осмеять все в городе: и дома, и деревья, и трамваи, и даже автоматы с газированной водой. Ну а что он успел увидеть за эти несколько дней?.. Она привела его к тому месту, откуда интереснее всего было смотреть на Волгу. Повернув в сторону от города, река уходила прямо в далекий горизонт, сливаясь с ним в одно синеватое бескрайнее море. Может быть, это море и не было похоже на Черное, но на Балтийское оно, наверно, все-таки смахивало. Однако Юлькин спутник не восхитился. Он спросил, равнодушно глядя на сверкающее водяное чудо:

— А ты Финский залив видела?

— Видела, — соврала Юлька и зажмурила на несколько секунд глаза, лихорадочно пытаюсь представить в своем воображении не виданный ею никогда Финский залив, — вдруг мальчишка начнет расспрашивать о нем подробно. Но представить она ничего не смогла — Финский залив захлестнула Волга, огромная, сияющая, с зелеными островами и голубым далеким горизонтом.

— А Финский лучше, — сказал он.

— Мне пора, — вместо ответа сказала Юлька. — Знаешь, я тебя поближе рассмотрела, и ты мне не понравился...

Такого он не ожидал. Он разозлился и покраснел от злости так, что Юлька даже немного испугалась. Она оставила его одного на берегу, убежав на верхнюю ступеньку набережной. Она больше любила нижнюю ступеньку, у самой воды, но там было многолюдно, и прохожие могли догадаться по Юлькиному лицу, что она идет со свидания. Юлька умела маскировать удивление, злость, досаду, если они появлялись на лице без спросу. Но какое выражение несешь на своей физиономии, когда уходишь со свидания, на котором сказала твердое «нет», она пока не знала...

* *
*

— Здесь не занято?

Мальчишке, который обратился к Юльке с этим вопросом, было, наверное, не четырнадцать, как тому северному, а может быть, даже уже и не пятнадцать... У него было длинное красивое лицо, покрытое ровным загаром золотистого цвета, и волосы были такого же цвета, словно загар захватил заодно и волосы. Даже глаза не выделялись на этом золотом лице оттого, что были светло-карие и тоже с золотистым оттенком. Он был в белой нейлоновой рубашке, а на шее висела тоненькая и тоже золотая цепочка. «Что это у него там на цепочке?» — с любопытством подумала Юлька. Это было первое, о чем она подумала, когда подняла голову и увидела его. Даже прежде чем покраснела! Она снова почему-то подумала о том, что надо, наверно, натянуть подол платья на свои вызывающе голые коленки, но тогда, пожалуй, могут догадаться, что Юльке даже до пятнадцати еще далеко.

— Не занято, — ответила Юлька золотому.

— А вы не знаете, который час?

Юлька, торопливо порывшись в памяти, подыскала слова, начинающиеся на безопасное «о».

— Около девяти, очевидно.

Он сел на другой конец скамьи и стал смотреть совсем в другую сторону, повернувшись к Юльке золотым затылком. Тогда Юлька медленно, с достоинством поднялась со скамьи и, изо всех сил стараясь не прихрамывать, пошла к выходу из сквера.

Она попробовала не перейти, а снова переплыть улицу под самым носом у автомашин. Это ей удалось, хотя и пришлось закусить губы от боли в правом мизинце. Лишь на противоположной стороне, закончив плавание возле гастронома, она обернулась.

Нет, он не смотрел ей вслед!

Юльке стало обидно. Так обидно, что она не пошла в гастроном, а купила тут же на лотке розовых пряников с глазурью и домой одну остановку проехала на троллейбусе. Пусть-ка потеснятся!

В пустой квартире деда ей вдруг стало скучно и одиноко. Телевизора не было, приемник на письменном столе почему-то не работал. В старом шкафу, стоящем у стены, наверно, были книги, но шкаф был закрыт, и дверцы не поддавались. Юлька попробовала дернуть дверцу посильнее, даже помогла себе коленкой... Тогда неожиданно внутри шкафа что-то хрупнуло, и он открылся. Оказывается, шкаф был закрыт на ключ, и Юлька выдернула крючок, придерживающий левую дверцу. Лишившись опоры, обе дверцы сразу разошлись. Выходит, Юлька взломала шкаф!.. Ужасно!

Но зато теперь можно было перечитать добрую сотню интересных книг. Юлька выбрала «Замок Броуди», насыпала в подол пряников, устроилась поудобнее на

диване и остаток дня провела в общем-то неплохо.

...Но потом пришли сумерки. Они тревожно вползли в дом и окутали все синим холодным туманом. Сумерки всегда несли Юльке странную и непонятную тревогу. Может быть, и здесь здорово сработала наследственность: именно таких вечеров и лунных ночей боялась Юлькина мать, потому что в такие вот светлые вечера и лунные ночи на город ее детства налетали немецкие бомбардировщики... Наверно, в этот час много лет назад они уже плыли, плыли к городу высоко над землей, и кто-то должен был умереть в этом городе ночью.

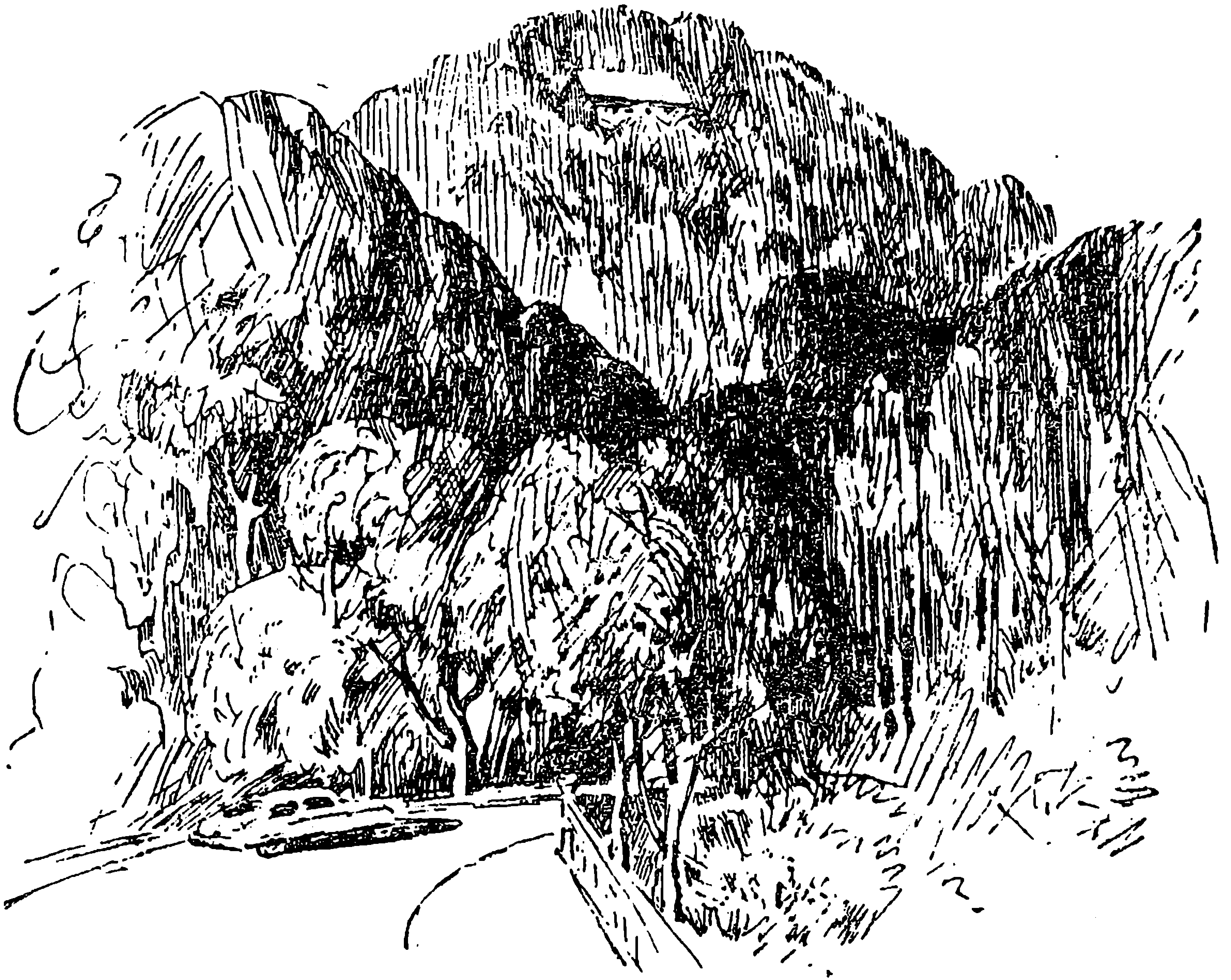
Как-то Наташа принесла в класс хранившийся у ее отца осколок то ли бомбы, то ли снаряда. Раньше Юльке казалось, что военный осколок — это что-то маленькое, легкое, похожее на ломтик стекла от разбитого блюда. Этот же не уместился у нее на ладони, тяжелый, как топор, выпуклый треугольник металла с острыми, рваными краями. Он не выполнил когда-то того, что ему было предназначено: никого не убил, и теперь старался хоть чем-нибудь досадить людям. Юлька до крови поцарапала пальцы об его острые края.

Юлька любила красиво думать. Она не один раз представляла себе, как ее, партизанку, расстреливают враги и как входит в ее сердце пуля. Но она никак не могла представить, как входит в него этот существующий на самом деле осколок — тяжелый, как топор, с острыми, как у ножа, рваными краями. Настоящий осколок в живое, настоящее сердце! А та выдуманная пуля входила в сердце легко.

Страхи, пришедшие в эту чужую комнату вместе с сумерками, не уходили от нее долго, пока она не спела торжественным шепотом одну за другой самые любимые отцовские песни — о суровом майоре, о грозном боге войны, гремящем в седых лесах, и самую грустную пес-

ню на свете о трех товарищах из города Эн, замученных фашистами...

Когда же она уснула, ей приснился золотой сон — в золотом сквере среди деревьев с золотыми цепочками вместо листы горели золотые фонарики, а по дорожкам почему-то ползали, как черепахи, розовые пряники в золотых елочных обертках. Потом пряники-черепахи уползли, но сон не ушел, а из золотого стал обычным, серым, как всегда. Уже под утро она проснулась от духоты. В комнате было темно и душно, кожа дивана парила, как компресс. Почти сквозь сон Юлька подумала: так душно, наверное, оттого, что в комнате открыто только одно окно, а другое, то, что с зайчиками, все еще закрыто и зашторено. Она поднялась, в полутьме, наощупь добралась до него и, отдернув штору, распахнула окно настежь. В комнату сейчас же вплыл свежий ночной воздух и закачал Юльку на прохладных волнах так крепко, что она еле-еле добралась до дивана, бухнулась на него и тут же снова стремительно погрузилась в сон.

3. ЧУДО!

Утро же началось с чуда! Правда, не сразу с чуда! Сначала проснувшаяся Юлька поймала толстую, наверно, кусачую муху, крутившуюся у нее перед носом, потом увидела, что ветер, свободно гуляющий по комнате от окна к окну, расхозяйничался — сорвал с гвоздя край шторы, скинул салфетку с рояля и расшвырял по полу страницы старенького «Замка Броуди». И тогда Юлька поднялась с дивана и подошла к распахнутому ею ночью

окну, чтобы закрыть его и поправить штору.

Окно выходило в сторону озера. Сначала Юлька увидела крыши домов, ступеньками спускающиеся вниз. Потом за крышами она увидела синеватую поверхность озера и подумала, что оно здорово похоже на Волгу. Все-таки нельзя жить без Волги! Даже здесь, в чужом городе, это поняли!

Потом Юлька подняла глаза выше, и вдруг ей показалось, что за ее спиной кто-то легко, почти невесомо коснулся пальцами клавиш рояля. Так ясно это Юльке показалось, что, вздрогнув, она обернулась.

В комнате было пусто, и клавиши прикрыты длинной черной крышкой, Юлька сама опустила вчера эту крышку...

Она снова перевела взгляд на окно и тогда увидела вдалеке за озером высокий крутой холм, похожий на теплую круглую шапку и утопающий в зелени, такой густой и такой темной, что нельзя было различить дорогу, ведущую на его вершину к дому под красной крышей со светлыми окнами...

* * *

В Юлькиной жизни один раз уже было чудо, похожее на это! Полтора года назад, в зимние каникулы, когда она гостила у Любкиной тетки в Ленинграде. Поездка была совсем неудачной: в день их приезда у тетки умер муж, и Любке с Юлькой было не до прогулок по городу. Три дня прошли в горькой похоронной суматохе, а на четвертый им уже нужно было уезжать домой. Лишь накануне отъезда, когда разошлись с поминочек гости, заплаканная, уставшая Любка сказала ей шепотом:

— Ты бы хоть разок до центра доехала, я скажу —

к знакомым по делу пошла. Спать не буду, открою. Не заблудись только...

Было уже очень поздно — что-то около одиннадцати. Юлька, кое-как натянув на себя пальто и нахлобучив шапку, выбежала на улицу в страшную, взвихрившуюся совсем неожиданно метель. Любкина тетка жила на окраине, застроенной уже после войны. Здесь Ленинград мало чем отличался от других городов. Она добежала по пустынной в этот час снежной улице до станции метро, спросила у кого-то, где ей лучше выйти, и, добравшись до Московского вокзала, до большой, тоже немногочисленной в этот час площади, побежала наугад по длинной прямой улице к мерцающему вдалеке золотому шпилю, еще не зная толком, этот шпиль или не этот — та самая знаменитая Адмиралтейская игла. Она бежала страшно долго по ярко освещенной фонарями и летящим снегом улице, натываясь на редких прохожих, не замечая проносящихся мимо автомашин и троллейбусов, мимо старинных домов, засыпанных метелью, мимо застывших каналов, собора с колоннами, мимо бронзовых юношей, едва сдерживающих рвущихся в метель бронзовых коней... До золотого шпиля она так и не добежала, потому что внезапно справа в изгибе другой улицы, пересекающей Юлькину, увидела невероятно знакомую, неожиданную, возникшую словно из волшебного сна Арку Главного штаба... А дальше все было как в сказке! Они оказались совсем рядом — и Зимний дворец, и Александровская колонна, и львы на набережной, и Медный всадник, и Исаакиевский собор, и Адмиралтейство... Словно город нарочно собрал все свои сокровища вместе и выложил их перед Юлькой, а люди, все до одного человека, ушли тоже нарочно, чтобы оставить их наедине — Юльку и город. И Юлька металась от чуда к чуду в величественной пустынной тишине, вглядываясь в них

сквозь полупрозрачную завесу стремительного снега, сверкающего в свете прожекторов. Ей не хотелось объяснить это чудо просто — была метель, и был поздний час, город спокойно, по-домашнему, засыпал, и людям было не до прогулок и не до девчонки, впервые оказавшейся в центре Ленинграда и обалдевшей от впечатлений. Ей не хотелось объяснять это чудо просто даже потом, через много месяцев. Чудо так и осталось для нее чудом.

Конечно, и это новое чудо тоже объяснялось просто — когда-то Юлька была в этой комнате и смотрела в окно на далекий холм с домом под красной крышей, а за ее спиной, наверно, в это время кто-то играл на рояле, и это слилось в ней вместе навсегда — музыка и дом на холме... Но она все равно стояла у окна, смотрела на красную крышу дома на холме, утопающую в зелени, и всхлипывала от неожиданного, от невероятного, от чудесного — словно Юлька весь день вчера ждала именно этого, именно этого чуда!

Даже соседка-караульщица, после долгих звонков прорвавшаяся к Юльке, чтобы снова напомнить ей о депешах, с позавчерашнего дня лежавших в почтовом ящике, не смогла вывести Юльку из этого состояния. Чудо не уходило от нее долго и мешало ей страшно. Ведь нужно было собираться с силами, искать Вторую больницу, узнавать номер палаты, в которой лежит дед. Наконец, ей предстояло встретиться с самим дедом!

Она пошла в ванную и подставила голову под кран с холодной водой. Однако это не подействовало, чудо все равно не ушло до тех пор, пока Юлька не пообещала ему торжественным шепотом завтра же добраться до дома на холме и узнать, что это за дом и кто в нем живет. После этого она вернулась в комнату, задернула окно темной шторой, наглухо отгородившись от чуда, и уже почти спокойно решила, что отыскать Вторую больницу мож-

но и попозже. Не идти же по улице с мокрыми волосами.

Пока волосы сохли и заново завивались кольцами, Юлька съела оставшиеся со вчерашнего дня пряники и написала письмо Любке и Наташе, внимательно перечитывая каждую написанную строчку, чтобы не написать чего-нибудь такого, что могло бы им не понравиться.

«Здорово, братцы, — написала Юлька, — у меня все сложилось великолепно. По идее дед должен был оказаться дома, а его не оказалось. Живу одна в роскошной квартире с роялем. Ключ он оставил. Сейчас пойду куда-нибудь прошвырнуться. Смотрите, не проболтайте маме, что дед куда-то смылся...» Письмо получилось длинное, веселое и какое-то противное. Юлька написала даже о том, как вчера в саду на скамейке к ней приставал какой-то тип с золотой цепочкой на шее, а она его отбрила. Он, как дурачок, шел за ней до самого дома, смотрел телячьими глазами и, в конце концов, назначил свидание. Может быть, она еще и пойдет... Очень красивый!

Было уже далеко за полдень, когда Юлька надела вчерашнее зелено-голубое платье, старенькие, но не предавшие ее еще ни разу туфли, заплела аккуратные косы и, достав из чемодана портсигар и трубку — подарок деду, вышла из дома искать Вторую больницу.

День был жаркий и душный. Даже на тихой Мельничной улице, затененной деревьями, не было прохлады, на соседних же улицах горячий асфальт, как подтаявшая ириска, мягко поддавался под каблуком, а у киосков с газированной водой стояли длиннющие очереди, словно все люди наелись Юлькиных пряников. Пока Юлька стояла в очереди за газированной водой, ближайший магазин «Фрукты—овощи» закрылся на обеденный перерыв. Тогда Юлька зашла в гастроном, купила две банки яблочного компота и отправилась искать справочное бюро.

— Вторая? У нас в городе есть Вторая городская, Вторая железнодорожная, Вторая Краснооктябрьская, Вторая детская...

Вот тебе и на!

— Давайте все, — растерялась Юлька.

— Но они в разных концах города.

— В-все равно.

Пока женщина за окошком копалась в справочниках и карточках, Юлька совсем истомилась от жары и досады. Надо же! Дед, наверно, совсем выжил из ума. А тут еще этот компот!

Из стопки квитанций с адресами Юлька выбрала ту, где была записана Вторая городская. Потом она купила авоську, сложила в нее банки с компотом и села в тряский полупустой трамвай, идущий на окраину. У открытого окошка на прохладном сквозняке она немного успокоилась. В конце концов, дед и в самом деле очень старый, и ему можно простить оплошность. В конце концов, не так уж и трудно найти эту Вторую больницу, если приложить кое-какие усилия... В конце концов, город не так уж и плох, как показалось Юльке вчера, — зеленый, с высокими разноцветными домами, с веселыми взлетами старой булыжной мостовой. Р-раз — на бугор! Два — с бугра! Р-раз — вверх! Два — вниз! Р-раз — крутой поворот и подъем! Два — такой же крутой поворот и спуск... И трамвай тоже веселый, дребезжащий в такт Юлькиным банкам с компотом — дзяк-дзилинь, дзяк-дзилинь...

Дзяк-дзилинь! Во Второй городской деда не оказалось!

Не оказалось его и во Второй железнодорожной, в чистеньком больничном городке, расположенном даже и не на окраине, а за городом среди леса, через две автобусные остановки от последних городских домов...

Пока Юлька обходила корпуса больницы, в сердцах позвякивая компотом в авоське и безумно жалея свое затасканное в трамваях и автобусах зелено-голубое платье, рабочий день начал подходить к концу. Голодная и уставшая Юлька еле-еле отыскала маленький продовольственный ларек неподалеку от автобусной остановки, купила толстый кусок колбасы и, съев его без хлеба, поехала домой, ругаясь про себя самыми страшными ругательствами: «черт побери», «черт возьми» и «пошли все к черту»...

Вернулась она домой, когда солнце уже уходило с земли. Огромное, ярко-красное, оно, как прожорливый Робин-Бобин из сказки, проглотило холм на горизонте, превратив его в бесформенную черную громаду, и в черноте этой утонул и дом под красной крышей, и густая зелень на склонах. И тогда в верхнем этаже далекого дома зажегся яркий золотой огонь.

Юлька, сидя у подоконника, так долго смотрела в сторону холма, стараясь вернуть себе свое чудо, что даже потом, когда погасили свет в далеком окне, огонек этот все равно остался с Юлькой — переходил золотым пятном вместе с ее взглядом со стола на рояль, с рояля на шкаф... Даже когда она закрыла глаза, золотой огонек все равно остался под ее сомкнутыми ресницами и не давал покоя, настойчиво напоминая о том, что день прошел, а чуда все-таки не произошло и что зря, наверно, сегодня ей снился золотой сон со звенящими цепочками и фонарями на золотых деревьях в золотом сквере...

В комнате было уже совсем темно, и огонек с холма ушел из-под Юлькиных ресниц, когда в прихожей раздался звонок. Снова пришла соседка-караульщица из сорок седьмой квартиры!

— Вот дурная девка! — сказала она, и пачка газет в ее руках стала похожа вдруг на грозный фаустпатрон. — В ящик уже не лезет. И зачем выписывать столько? В мусор выбрасывать буду!

— Извините, — очень вежливо ответила Юлька. — Я сейчас же спущусь вниз и освобожу ящик.

— Спички возьми, а то внизу лампочка перегорела! Вздохнув, Юлька вернулась в комнату, включила свет, отыскала в коробочке на столе ключ от почтового ящика, взяла спички и пошла за почтой.

Темноты Юлька всегда боялась, и теперь, увидев внизу, в лестничном пролете, беспросветную темень, она нерешительно остановилась. На площадке первого этажа было так темно, что казалось, если Юлька спустится вниз, густая эта темнота упруго оттолкнет ее от себя. В коробке болталось всего три спички, и Юлька было уже раздумала спускаться, но внизу хлопнула дверь чьей-то квартиры, кто-то весело чертыхнулся в темноте и на ощупь начал пробираться к входной двери. Юлька, перевесившись через перила, громко кашлянула, чтобы по-дружески подбодрить того в темноте и показать ему, что он на лестнице не один, и подождала немного. Шум внизу затих — наверно, незнакомец выбрался из темноты. Напевая полусшепотом для храбрости боевую отцовскую песню, Юлька начала спускаться вниз.

Она на ощупь добралась до почтовых ящиков, висевших на стене, достала из коробки спичку, но зажечь ее не успела. Снизу, из темноты, ее неожиданно окликнули:

— Эй! Певица!

Юлька замерла. Голос, окликнувший ее, принадле-

жал или мальчишке Юлькиных лет или даже юноше...

— Что? — спросила Юлька, стараясь показать, что не испугалась ни капельки. — Кто это?

Она повернулась на голос, хотя все равно не смогла бы различить в темноте лица незнакомца, и услышала — он тоже шагнул к ней, на ее голос. Юлька хотела зажечь спичку, но не успела — жесткий и сильный удар то ли гибкого прута, то ли плетки обрушился на нее...

Вскрикнув, Юлька закрыла лицо руками. Второй удар пришелся по голове, третий по плечу... Отступив, Юлька зацепилась ногой за ступеньку и упала, разбив локоть... Топота убегающих ног и стука захлопнувшейся двери на первом этаже она уже не услышала, потому что испуг так оглушил ее, что ушли куда-то все звуки, а язык стал шершавым, как корка апельсина.

Потом звуки вернулись к ней. Она услышала, как по-сумасшедшему, громко колотится ее сердце...

— Бешеный! — крикнула Юлька. — Хулиган!

Где-то наверху открылась дверь чьей-то квартиры, и сердитый женский голос крикнул в пролет лестницы:

— Прекратите безобразничать!

Юлька подождала, когда успокоится голос и захлопнется дверь наверху, и, придерживая ладонью разбитый в кровь локоть, поднялась к себе.

Глупо! Смешно и глупо! Ее уже давно не били мальчишки. Наоборот, теперь они все были такими хорошими, иногда даже подлизывались...

Она смыла кровь с локтя, потом рассмотрела свое лицо в зеркальце. Узкая розовая полоска тянулась через лоб от виска к виску — как яркая царапина.

Целый час просидела она перед зеркалом, прикладывая ко лбу влажный носовой платок, но полоса не исчезла, боль не ушла, а обида не кончилась и даже осталась с ней на всю ночь.

4. НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

Юлькин сон был тревожным, даже страшным, и среди ночи Юлька проснулась. Ей показалось, что кто-то пронзительно закричал над ее ухом: «А-а-а-а!» Сон разлетелся сразу!

На полу комнаты лежали два квадрата слабого света — от окон. Их было недостаточно, чтобы разглядеть те дальние и темные углы комнаты. Напуганная до смерти, Юлька забыла спросонку, на какой стене вы-

ключатель, и заметалась по комнате, натыкаясь то на жесткий неуклюжий рояль, то на стол, то на свои тапочки, которые сейчас же со стремительным, еще больше напугавшим Юльку шипением улетели от ее ноги под диван... И тут же услышала: в прихожей отчаянно и пронзительно, как тревожный крик «а-а-а», заливался звонок. «Телеграмма! С мамой что-то случилось!» Она набросила халат, не угодив в рукава... Вспомнив про настольную лампу, включила ее уже на бегу... Ворвавшись в прихожую, дрожащими руками нащупала язычок задвижки и распахнула дверь настежь.

В светлом проеме двери стояла растрепанная соседка-караульщица без платочка и без очков, а рядом с ней — незнакомая девчонка ростом чуть повыше Юльки, в спортивной куртке, в бриджах, с большой аэрофлотной сумкой на длинном ремне. За спиной девчонки, на лестничной площадке, горела лампочка, и девчонкины волосы светились так, словно в них были запрятаны золотые фонарики из вчерашнего Юлькиного сна. Юльке даже послышался звон золотой цепочки. Она отчаянно потрянула головой.

— Вот она! — воскликнула соседка, указывая на Юльку. — Сама назвалась! И чемодан с ней был!

— Здорово спишь! — сказала девчонка с фонариками. — Ты кто?

Ее лица не было видно; полуодетой же, еще не опомнившейся со сна Юльке лампочка с площадки светила прямо в лицо, и от этого Юлька чувствовала себя беспомощной и жалкой со своей царапиной на лбу.

— Я — Юля. Витанович.

— А! — коротко выдохнула, словно вскрикнула девчонка и шагнула в прихожую, сразу погасив фонарики в волосах.

— Может, милицию звать? — деловито спросила соседка. — У меня в квартире телефон.

— Извините! — бросила ей через плечо девчонка с погасшими фонариками. — Не беспокойтесь. Я ее знаю.

— Да я-то никого не знаю! Я сама-то всего на неделю приехала! — запричитала соседка, но девчонка, круто повернувшись, захлопнула дверь.

Они прошли в комнату, и девчонка, подойдя к столу и высоко, как свечу в подсвечнике, подняв настольную лампу, внимательно и бесцеремонно оглядела Юльку с ног до головы. На этот раз свет упал и на ее лицо, поэтому Юлька, окончательно отогнавшая от себя сон, не побоялась ответить ей таким же бесцеремонным и долгим взглядом. У незнакомки были резкие, как у сердитого мальчишки, губы, глубокие темно-серые глаза в коротких, густых и, наверно, очень жестких ресницах и совсем светлые пушистые волосы.

— А почему ты такая исцарапанная?

— Исцарапалась. А что? — спокойно, пожалуй, даже нагло вато спросила Юлька: ее разозлила эта бесцеремонность незнакомой девчонки.

— Значит, ты — Юля?

— Юля. А что?

Девчонка осторожно поставила лампу на стол, бросила сумку на рояль, который сейчас же отозвался жалобным звоном, и с холодным, непонятым любопытством спросила:

— И что же означает это имя?

Такого глупейшего вопроса при знакомстве Юльке еще ни разу в жизни не задавали.

— Как — что означает? Ничего не означает.

Юлькино имя, в отличие от других, действительно ничего не означало и не переводилось никак. Просто

в Древнем Риме так называли женщин из славного рода Юлиев!

— Ничего?

— Ничего.

— Почему в больнице не была?

— Н-не успела.

— Позавчера приехала и не успела?

Разница в их возрасте составляла определенно не больше года, однако девчонка разговаривала с Юлькой так, словно была старше ее лет на десять!

— А откуда мне знать, в какой больнице он лежит? — стараясь быть спокойной, чтобы не заикаться, ответила Юлька. — Он передал, что во Второй, а у вас в городе сорок штук этих вторых. Попробуй поищи!

— Я нашла, — сухо отчеканила девчонка.

Она молча достала из сумки платье и ушла в ванную переодеваться, а Юльке сразу стало ужасно неудобно в этой чужой комнате. И надо же было сюда заехать! И зачем приглашать, зачем клянчить «приезжайте, приезжайте», если тут ему не так уж и одиноко?

Девчонка вернулась быстро, Юлька успела только найти выключатель и рукава халата, а за тапочками под диван слазить не успела.

Теперь, при ярком верхнем свете, можно было хорошо рассмотреть гостью. Она показалась Юльке уже не такой резкой и по-мальчишески грубоватой, какой казалась раньше, даже черты лица у нее стали мягче. В первую очередь, следовало выяснить, кто она, почему так бесцеремонно ворвалась в квартиру и какое, собственно говоря, отношение имеет к Юлькиному деду.

— Ты его родственница, что ли?

Девчонка молча наклонила голову.

— Это очень дорогой инструмент, — промолвила Юлька, по-хозяйски кивнув на рояль и тем самым под-

черкивая свое неоспоримое право распоряжаться дедовыми вещами. — Нельзя вот так швырять на него что попало.

— А, да, — кивнула головой девчонка и убрала сумку с рояля.

— А тебя как зовут?

— У меня трудное имя, — ответила девчонка таким издевательским тоном, словно ее имя действительно было недостижимо для Юлькиного языка. Значит, все-таки Юлька себя выдала, и девчонка заметила, что она заикается.

— У нас в классе одну девчонку дразнят Фтотатитой из какой-то пьесы, — сказала Юлька. — И ничего, справляемся. Ты тоже Ф-ф-фтотатита?

— Нет.

— А кто же?

— Я — Дюк.

— К-кто?

— Дюк.

— Может быть, Дюка? — попыталась уточнить Юлька.

— Дюк.

— Глупость одна, а не имя!

— Есть хочешь? — очень спокойно спросила девчонка.

— Не хочу!

Девчонка со странным именем по-хозяйски, словно жила в этой квартире тысячу лет, принесла откуда-то из прихожей простыни и подушку, швырнула их Юльке — «кто же спит на голом диване!». Потом она принесла раскладушку. Что такое? Для себя?.. Она собирается спать здесь, не спросив разрешения у Юльки? Кто же здесь хозяин — Юлька, родная и единственная внучка своего деда, или эта Дюка?..

— Ты что, была у моего деда? — сухо спросила Юлька, первый раз в жизни называя деда так подчеркнута по-родственному — «мой».

— Была.

— Когда?

— Сейчас.

— Ночью?

— Ночью.

— П-почему ночью?

— Потому что была далеко от дома. Сегодня вернулась и узнала, что он в больнице.

— А где твой дом?

— Недалеко.

— А ты с кем живешь?

— А ты?

Удивительно все-таки, до чего нагло вела себя эта Дюк!

— Ну, и как его здоровье? — спросила Юлька ледяным голосом.

— Все-таки ему семьдесят четыре, — помолчав вместо ответа, сказала Дюк таким тоном, словно это она, Юлька, была виновата в том, что ему уже семьдесят четыре!

— Значит, ничего?

— Есть хочешь?

— Нет!

— Тогда спи.

Ничего себе!

Дюк ушла на кухню и принялась там возиться с кастрюлями, совсем как мать вечерами, когда Юлька укладывалась спать. Вот еще! Надо все-таки, в конце концов выяснить, кем приходится она Юлькиному деду! В конце концов, Юльке доверили ключи от квартиры, и она отвечает за ее сохранность! В конце концов, здесь

стоит дорогой инструмент и вообще, наверно, есть ценные вещи. И Юлькин чемодан!..

— Значит, ты его родственница? — сердито крикнула она в распахнутую дверь кухни.

— Родственница, — отозвалась Дюк.

Надо же! Неужто она и Юльке родственница? Подумать только! Раньше это совершенно не приходило Юльке в голову. Она просто не допускала никогда мысли о том, что родственники деда могут оказаться и ее, Юлькиными, родственниками...

Дюк вернулась в комнату, погасила свет, разделась, легла на свою скрипучую раскладушку.

— Одеяло дать?

— Не надо, — ответила Юлька.

— Тогда спи.

Неужто же эта Дюк думает, что Юлька вот так спокойно уснет, не выяснив своих родственных отношений с нею? В конце концов, надо было просто поставить ее на место, эту Дюк! Кем бы ни приходилась она Юлькиному деду, ближе Юльки у него все равно никого не было. Так чего же задаваться?

— Так с кем ты живешь? — снова спросила Юлька.

— С мамой.

— А она тоже его родственница?

— Тоже, — сказала Дюк. — Утром я встану рано, у меня дела в городе, а надо уехать домой с девятичасовой электричкой.

— Дальняя? — спросила Юлька.

— Пригородная, — ответила Дюк.

К тому же эта Дюк была еще и бестолковой! Юлька же яснее ясного спросила ее о матери — дальняя она родственница деду или нет. Причем здесь электричка?

— До нашей станции сорок минут ехать. Только не все электрички там останавливаются.

Когда она говорила вот так мягко и дружелюбно, Юлька даже начинала испытывать к ней симпатию и даже голос ее вдруг делался каким-то мягким, каким-то знакомым, словно Юлька уже слышала его когда-то.

— Наш дом на холме. Его даже отсюда, из окна, видно.

— Что? — Юлька чуть не подскочила. — Тот, под к-красной крышей?

— А что?

— Н-ничего, — сказала Юлька.

Здорово! Ничего не скажешь! Среди бела дня нагло и бессовестно у Юльки украли то, что принадлежало давно и лично ей по праву! По праву! Потому что уютный дом на зеленом холме под красной крышей жил в Юлькином мире, под Юлькиным небом, центр которого всегда-всегда был над ее головой! Если даже уйти на край света, все равно он будет именно над Юлькиной головой! Именно над Юлькиной!

— Уютно устроилась, — сквозь зубы процедила Юлька.

— Почему уютно?

Юлька не могла видеть в темноте, но она почувствовала, что черты лица Дюк делаются снова жесткими, а губы резкими, как у мальчишки.

— Уютно потому, что красивый дом. И зелень... И на холме. Наверно, самое спокойное место на земле выбрала...

— Спокойных мест на земле нет, — отрезала Дюк.

— Есть!

— Нет!

— Есть!

Дюк помолчала немного, и за это время Юлька успела несколько раз упрямо повторить: «Есть, есть, есть, есть...» Только так она забивала противников в споре.

— Если есть, — спокойно сказала Дюк, когда Юлька выдохлась и умолкла, — то это все равно как Глаз Бури.

— К-какой Глаз Бури?

— Разве ты не знаешь, что такое Глаз Бури?

— Не знаю.

— Когда идет ураган, то в центре его всегда спокойно и тихо и, может быть, светит солнце. Но ведь в любую секунду ураган может переместиться и захватить это место... Это и есть Глаз Бури.

— К-красиво, — с издевкой сказала Юлька, признаваясь себе, что это и в самом деле очень красиво звучит — Глаз Бури.

— Не я придумала.

Дюк замолчала. Даже притворилась, что спит! А Юлька еще долго совершенно бесполезно задиралась. Спрашивала, не дюк ли она Ришелье, сбежавший из Одессы. Даже спросила, не называется ли холм за озером Лысой горой и не может ли она, Дюк с Лысой горы, вызвать заклинаниями эту самую бурю с ее диким глазом... Потом, отвоевавшись, она все-таки уснула, и сон на этот раз показался ей одним бездонным, черным мгновением.

Проснувшись, она никак не могла понять, почему она здесь, на чужом диване в какой-то чужой комнате с чужими стенами и чужим паркетным полом... И лишь когда перевела взгляд на окно, вспомнила, где находится, и поняла, что сбило ее с толку: дождь на улице, еще ни разу не ливший в этом городе при Юльке. Кап-кап-кап, — знакомо, по-саратовски, били капли по звонкой водосточной трубе то ленивыми мелкими ударами, то стремительным тревожным барабаном. Кусок неба в окне был безнадежно серым, а в квартире поселилась сырая прохлада.

Ни Дюк, ни раскладушки в комнате не было.

Юлька встала и распахнула оба окна настежь. За мокрой густой занавеской дождя не было видно развенчанного Юлькиного чуда — ни холма, ни дома под красной крышей, в котором вчера горел яркий огонек. Даже крыши домов, стоящих на соседней ступеньке улицы-лестницы, ведущей к озеру, почти не были видны. Внизу по мостовой волнистым стеклом бежали глубокие ручьи, и по обе стороны Юлькиного окна где-то поблизости гудели от дождевого погока водосточные трубы. Юлька подставила ладонь и набрала целую пригоршню льющейся с крыши дождевой воды с крошечными черными соринками, которые сейчас же утонули в Юлькиной ладони. Вода была холодной, словно только что из холодильника. Ну как же теперь искать деда в такую погоду?

Юлька отошла от окна и тут же увидела записку, лежащую на рояле: «К деду пока не ходи. Я скажу, когда можно будет. На плите в кастрюльке суп, остальная еда в холодильнике. Дюк».

Записка была почти приказом, и Юлька сразу взбунтовалась. Как это «не ходи»? Кому какое дело до того, пойдет или не пойдет Юлька к своему родному, собственному деду? Никто не имеет права ей это запретить! Она пойдет все равно, если даже внезапно польется ливень с градом, если даже снег засыплет все улицы до самых крыш!

Но прежде всего она рассмотрела свое лицо в зеркале. Полоса на лбу побледнела, стала даже не очень уж такой заметной. Это подняло Юлькино настроение. Подумаешь! Будто бы ее никогда в жизни не лупили мальчишки!..

Она с аппетитом поела супа, сваренного Дюк, еще горячего, аппетитного, душистого. После этого ей стало совестно. Однако все-таки не до такой степени, чтобы подчиниться Дюк и не пойти к деду. Конечно, она пой-

дет. Вот только дождется первого солнечного луча.

Было уже около двенадцати часов, когда Юлька, услышав, как на площадке хлопнула дверь соседкиной квартиры, вспомнила про почту, так и не вынутую ею вчера из почтового ящика. Она взяла ключ и снова спустилась на площадку первого этажа.

В ящике были газеты за три дня, журнал «Наука и жизнь», рекламный плакатик «Собирайте пищевые отходы» с розово-лакированной поросычьею мордочкой. И была там еще телеграмма!

Юлька тут же на лестнице, волнуясь, то и дело роняя из-под мышки газеты, разорвала бумажную ленточку-заклейку на телеграмме...

«Витановичу Георгию Александровичу. Юлия прилетит второго, рейс двести восемьдесят седьмой. Возможно, передумает. Сообщим дополнительно». Это была телеграмма матери! Та самая! С оговоркой! Она не застала деда! Дед ничего не знает о Юлькином приезде?!

Юлька опустила на ступеньку лестницы и дрожащими руками зачем-то перебрала все газеты и журналы... Что же? Как же это? Что же теперь делать?.. Она поднялась со ступеньки, пошла наверх, потом зачем-то снова спустилась вниз. Потом, вспомнив, что не взяла с собой ключ от квартиры и дверь может захлопнуться от сквозняка, снова пошла наверх, как лунатик. Что же это? Как же это? Ведь дед оставил ей ключ от квартиры!

Вернувшись в комнату, она заметалась от двери к дивану, от дивана к столу, пока не наткнулась на рояль. Рояль обиженно загудел. Юлька успокоила его, проведя ладонью по клавишам. Он умолк, а Юльке от его молчания стало еще беспокойнее. Дрожащими руками она упаковала банки с компотом в старые газеты, чтобы они не дзенькали в авоське, и, так и не дождавшись

первого луча солнца, бросилась искать последнюю, Краснооктябрьскую, больницу. Ведь не в детской же он лечится!

* * *

Круговая улица, на которой находилась Краснооктябрьская, оказалась до обидного близко — в трех кварталах от Главного почтамта. Юлька, приготовившаяся было снова к долгому пути куда-нибудь на окраину, даже растерялась, когда поняла, что сейчас, сию минуту, окажется лицом к лицу с ничем еще не подозревающим дедом. У нее пересохло в горле, и вспотела ладонь, в которой она сжимала капроновую ручку авоськи...

— Витанович? — переспросила ее девушка в белом халате, сидящая за столом в приемной, и даже не стала искать эту фамилию в списках. — Ты опоздала, девочка. Его сегодня выписали.

— К-как в-выписали?..

— За ним еще утром внучка приехала и забрала.

— К-какая внучка?..

— Как какая? — пожала плечами девушка. — Обыкновенная. Дедушкина. У которой мать на Заозерке доктором работает.

— Но ведь это я внучка! — крикнула Юлька. — Я — дедушкина!

— Ты? — удивилась девушка. — Ну, уж это вы там сами разбирайтесь, кто дедушкина, а кто бабушкина.

Юлька вдруг почувствовала, что она, совсем как в сказке, начинает каменеть — сначала окаменели Юлькины ноги до колен, потом Юлька окаменела до пояса, потом до подбородка...

— Не м-может быть, — пролепетала она начинающими каменеть губами. — Вы что-то напутали!

— Мы ничего не напутали, — строго сказала девушка. — Георгия Александровича мы знаем. И врача, который будет его лечить, знаем. И внучку его тоже знаем. Она пришла утром, договорилась с главным и увезла...

Юлька на каменных ногах вышла на улицу и остановилась. Что там дом на холме под красной крышей! Среди бела дня нагло и бессовестно у Юльки украли деда!

У него не было никаких других внуков, кроме Юльки! Не было и не могло быть! У деда после войны остался только один сын — Юлькин отец! А старший, дядя Егор, тот, что погиб на войне, так и не успел жениться! Может быть, Дюк — какая-нибудь приемная внучка? Или дочь какого-нибудь дедова племянника? Но тогда она — лже-внучка и не имеет никакого права распоряжаться Юлькиным дедом!

На все еще не раскаменевших ногах Юлька еле-еле добралась до двери дедовой квартиры и позвонила. Ключ от квартиры был у нее в руке, но она все-таки позвонила и подождала немного, прислушиваясь к уже знакомой ей тишине за дверью... Нет! В квартире никого не было. Ни деда, ни Дюк!..

5. ДВОЙНИКИ

Электричка долго шла вдоль берега; редкие деревья, заслонившие озеро от железнодорожной линии, не сумели спрятать за собой его синеватой, как дождевые облака, поверхности, и озеро все плыло и плыло перед Юлькиными глазами. Холма с домом под красной крышей из окна электрички не было видно. Только озеро и озеро, ставшее здесь, вблизи, огромным, как море, а может быть, как и не виданный никогда Юлькой далекий

Финский залив. Но потом все-таки озеро ушло. Электричка умчалась в сторону, и стена леса отгородила его от железной дороги.

Испугавшись, что проехала свою остановку, Юлька заторопилась к выходу, сошла на первой же заозерной станции и тут же поняла, что поторопилась. Железная дорога снова поворачивала к берегу и шла между озером и холмом, Юлька же оказалась у подножия холма сбоку, у крутого, пустынного и почти отвесного склона, поросшего вовсе и не лесом, а редким кривым кустарником, плотно прижавшимся от ветра и дождя к глинистой поверхности холма. Ни леса, ни дома под красной крышей отсюда, с этой стороны склона, не было видно.

По извилистой тропинке, поднимающейся по крутому склону, Юлька полезла наверх, гремя авоськой и скользя подошвами в вязкой глине, еще не просохшей после дождя. Она миновала лишь половину подъема, а у нее уже были перемазаны глиной и ладони, и коленки, и банки с компотом. На подступах к вершине она уже почти ползла, цепляясь свободной рукой за тугие, жесткие кусты с оголенными корнями — дождь здесь был долгий и сильный...

Оказавшись наконец-то наверху, Юлька увидела перед собой длинный заборчик, а за ним — небольшое здание с высокой трубой, похожее на котельную, дальше — плотная, зеленая стена то ли леса, то ли парка с широкой аллеей, ведущей к красному кирпичному дому. Юлька перелезла через заборчик, чуть не занозила ладонь и, миновав котельную, подошла поближе к аллее.

Наверно, на дом с красной крышей надо было смотреть только издали, как на картину в музее. Вблизи он не казался таким красивым, каким казался Юльке отсюда, из-за озера. Обыкновенный трехэтажный дом с обыкновенными стенами и обыкновенными распахнуты-

ми настезь окнами, за которыми чуть колыхались от ветра полотняные занавески. Ну что же, это хорошо, что он не такой уж по-сказочному красивый. Это же Дюков дом, а не Юлькин! Правда, покоя и тишины здесь было достаточно. Среди деревьев с влажной молчаливой листвой стояли пустые, набухшие от дождя скамейки, и вокруг было тихо, спокойно, как на кладбище.

Юлька вернулась к котельной и обошла ее кругом, потом еще раз обошла — надо же было как-то обратить на себя хоть чье-нибудь внимание. Обходя котельную в третий раз, она поняла, что это и не котельная вовсе, а кухня: из-за прикрытой двери отчетливо донесся до нее запах жареных пирожков. Это было невыносимо для Юльки, она уже успела проголодаться... Юлька подошла к крыльцу кухни, но тут же путь к пирожкам ей преградила полная женщина в темно-голубом халате и в косынке, появившаяся внезапно на крыльце кухни.

— Тебе кого, девочка?

Юлька в смятении вспомнила, что не знает ни фамилии странной девчонки, ни ее нормального человеческого имени, кроме этого глупого «Дюк».

— У вас здесь есть такая д-девочка лет пятнадцати в лиловых бриджах, — сказала Юлька, смущенно пряча испачканную глиной авоську с компотом за спину. — Она еще ходит с т-такой аэрофлотной сумкой через плечо... Беленькая такая. Где ее м-можно найти?

— Сейчас поищем, подожди здесь, — дружелюбно ответила женщина и почему-то снова ушла в кухню к пирожкам, а Юлька, оставшись одна, огляделась по сторонам в поисках подходящей лужи — надо было отмыть ладони и коленки от грязи. За котельной-кухней была такая лужа, только к ней надо было спуститься чуточку вниз по склону. Цепляясь за кусты, Юлька уже почти

добралась до этой грязноватой неглубокой лужицы на выступе склона, когда внезапно сверху ее окликнули:

— Юля! Витанович!

От неожиданности Юлька вздрогнула, выпустила из рук ветки, за которые держалась, и тут же сползла вниз, к самому забору.

— Юля! — снова раздался наверху громкий женский голос. — Ты где?

— Я здесь, — робко отозвалась Юлька и, приложив отчаянные усилия, почти на четвереньках выползла наверх.

На крылечке кухни снова стояла та самая женщина в голубом халате. Она вовсе не смотрела в сторону выползающей Юльки. Она смотрела в сторону аллеи, ведущей к красному дому.

— Юля! — позвала она снова. — Витанович! К тебе тут пришли! Ты идешь или нет?

— Иду! — неожиданно отозвался с аллеи звонкий голос. — Я давно иду!

* * *

«Жулик! Приехала сюда под моим именем! Украла деда!» — так думала Юлька, пока, рассекая подошвами лужи, разбрызгивая в стороны комья грязи, летела навстречу подлой Дюк, так нагло отозвавшейся на Юлькино имя, на Юлькину фамилию!

— Ж-ж-жулик! — зашипела она почти беззвучно, подскочив к Дюк. — Ж-жулик!..

У нее почему-то совсем пропал голос, а ставшие непослушными губы ничего не могли выговорить, кроме этого шипящего и жужжащего «ж-ж-жулика», но она все-таки торжествующе отметила про себя, что и у Дюк, опешившей от неожиданного Юлькиного налета, лицо

стало белым-белым, даже синева появилась у глаз и над губами.

— Тс-с-с, — сказала Дюк тихим шепотом и приложила палец к губам, словно умоляла Юльку сохранить страшную тайну. — Не кричи, пожалуйста, так.

— Ничего не тс-сс! — зашипела Юлька. — Не тс-с-с! Я кричать буду!

Однако на крик у нее не хватило голоса, и, наверно, гусиный их разговор не вызвал у женщины на крыльце никаких подозрений, потому что, спросив спокойно «знакомые, что ли», она тут же ушла к своим пирожкам. Осевший же голос окончательно предал Юльку, когда она попыталась крикнуть ей вдогонку, чтобы она не уходила, потому что Юлька поймала ж-ж-жулика...

— Замолчи! — гневно и в полный голос крикнула Дюк, когда женщина скрылась. — Чего ты кричишь? Кто разрешил тебе сюда приехать?

Юлькин голос тоже обрел силу. И руки тоже. Она ухватилась за борт голубого халатика, который был надет на Дюк, тряхнула ее и закричала:

— Я тебя выведу на чистую воду! Кто тебя подослал?

Руки Дюк оказались сильнее. Она вырвалась, схватила Юльку за плечи, повернула к себе спиной и, поддав коленкой, пихнула в сторону парка...

Она протащила ее по аллее мимо деревянной сцены-раковины к старой и темной беседке, торчащей в самом заросшем и заброшенном уголке парка, и швырнула ее на сырую скамейку.

Но даже не руки Дюк, крепкие и сильные, как железные клещи, которыми вытаскивают гвозди из досок, заставили Юльку замолчать и успокоиться, а лицо Дюк — все еще бледное, резкое, ставшее похожим на скульптуру, вырезанную из белого камня.

Беседка, в которой они находились, была без стен — только крыша на резных столбиках да спинки высоких скамеек, поставленных квадратом на дощатом полу, засыпанном опавшими, но не сумевшими почему-то пожелтеть листьями.

Беседка эта продувалась ветром насквозь, и Юльку сейчас же стало трясти от холода. Тогда Дюк села рядом с ней на сырую скамью, отобрала у нее авоську, взяла ее запачканные глиной, холодные руки в свои теплые и сказала:

— Что ты расшумелась? Мало ли на свете бывает людей с одинаковыми именами?

— Мало! — крикнула Юлька и вырвала свои грязные руки из чистых Дюковых рук. — Одинаковых людей — пожалуйста, сколько угодно! Но когда воруют чужих де-дедов!..

Она снова захлебнулась непослушными словами, отобрала у Дюк свою авоську и решительно звякнула компотом.

— Что же вы так долго к нему собирались? — в голосе Дюк тоже что-то звякнуло. — Что же вы не вспоминали о нем раньше?

— А вот не хотели и не вспоминали! А вот теперь захотели и вспомнили! Не мы к нему подлизываемся, а он к нам! Он виноват перед нами на всю жизнь! И передо мной, и перед мамой!

— В чем же он виноват?

— А это никого не касается! Никого! Только меня и мамы! И еще папы, если бы он был жив.

— Вы не любите его потому, что он был против, когда твой отец женился на твоей матери, да? — спросила Дюк, и Юлька вздрогнула. Откуда эта семейная тайна известна Дюк?..

— А он был против потому, что знал: твой отец же-

нится на ней, чтобы отомстить другому человеку. Сгоряча, со злости!

— К-как отомстить?.. Зачем? К-когда?

— Когда он поссорился с моей мамой!

— При чем здесь твоя мама?! — закричала Юлька, почему-то совсем перестав заикаться.

— Если бы он не женился второй раз так скоро, все еще можно было бы исправить, — продолжала Дюк, и Юльке вдруг показалось, что она тоже совсем по-юлькиному подыскивает слова, чтобы не споткнуться на каком-то одном-единственном коварном слове, могущем ее предать. — А так все запуталось... П-потому что он женился на твоей м-матери... И родилась ты. Он так ничего и не смог распутать...

— О ком ты говоришь? — цепенея, пролепетала Юлька. — О моем папе?!

— И о моем, — сказала Дюк.

Сначала стало тихо, а потом, зашвырнув несколько теплых расшлепанных капель на Юлькины похолодевшие щеки, загрохотал по крыше беседки дождь, похожий на автоматную очередь. Так расстреливают или просто убивают людей...

* * *

В маленьком тесном умывальнике рядом с кухней Дюк долго отмывала Юлькины руки и коленки, и Юлька при этом чувствовала себя совсем маленькой, как в далеком детстве, когда детсадовская няня, вытащив ее из лужи, отмывала под краном...

Потом они вернулись в беседку, куда Дюк принесла для Юльки на тарелке тех самых пирожков. И это снова напомнило Юльке детство, когда за обедом ей почему-то никогда не хотелось ни пирожков, ни супу, а хотелось

всегда чего-нибудь необыкновенного — бананов или же крыжовника с соседского двора.

На Юлькину тарелку с нетронутыми пирожками нападали крупные, не сумевшие пожелтеть листья. Юлька дрожащими руками собрала их зачем-то в букет, а Дюк зачем-то сказала:

— Они всегда здесь осыпаются раньше. Наверно, потому что растут высоко.

— П-почему же ты тоже Юлия? — дрожащим голосом спросила Юлька.

— Когда он с моей мамой разошелся, мама уехала в Казань. А через полгода у нее родилась я, — сказала Дюк. — А он узнал об этом, когда уже женился второй раз... И ты появилась на свет... Когда ты родилась, он ведь не знал еще, что родилась я. и что мама уже назвала меня Юлией. К-как он хотел.

Теперь Юлька поняла, о какое слово боялась споткнуться Дюк! Она так ни разу и не произнесла этого слова — папа...

— Я хочу к д-деду, — сказала Юлька, совсем как маленькая. — П-почему ты забрала его из больницы?

— Знаешь что, — устало отозвалась Дюк. — Я все равно тебя к нему не пущу. Он далеко отсюда, на даче у маминых родных... Все-таки ему семьдесят четыре. Давай-ка я лучше провожу тебя. Сейчас уже второй час, мне скоро разносить обед, а одна ты отсюда не выберешься.

Она уложила так и не съеденные Юлькой пирожки в авоську с компотом. Потянув Юльку за руку, как маленькую, заставила ее подняться и вывела из беседки.

Она привела ее к плутающей среди редких деревьев некрутой и не размытой дождем, но ужасно длинной и неуютной тропинке. С тропинки этой было видно все далеко-далеко.

Где-то там, за серыми рельсами, сквозь деревья просвечивала синеватая гладь озера, похожего на Финский залив. Платформа Заозерной станции казалась отсюда, издалека, маленьким серым квадратом. А за озером, в городе, уже было солнце, ни разу не заглянувшее сегодня сюда, на холм. Солнце, отражаясь в оконных стеклах, слепило глаза, и невозможно было отыскать в этом стеклянном блеске окно комнаты, где в старом рояле жило старое эхо...

— Тебе деньги нужны?

— Нет!

— Если будут нужны, скажешь. Я постараюсь приезжать к тебе каждый день. Если ты не уедешь, конечно. Может быть, только завтра я приехать не смогу. Завтра у нас концерт для раненых.

— Для каких раненых?

— Для раненных на войне.

— На той? На Отечественной?..

— На той.

Дюк шла по тропинке впереди Юльки, и Юлька видела ее светлый пушистый затылок с прямыми, как солнечные лучи, волосами, которые не завивались, ведь не завивались же крупными отцовскими кольцами!

— Но какие же они теперь раненые! Прошло столько лет! Они и сами-то, наверно, забыли, что их когда-то ранили. — Юлькин голос звучал словно со стороны, и странно было прислушиваться к нему, незнакомому и незвонкому...

— Они не забыли, — резко сказала Дюк, не поворачиваясь к Юльке. — Может быть, это другие забыли...

— Но нельзя же все время помнить об этом, — сказал со стороны раздраженный Юлькин голос. — Так и жить нельзя будет, если все время помнить об этом!

Дюк сразу остановилась и повернулась к Юльке.

— Так не живи!

Юлькино лицо дрогнуло — словно ему стало больно, словно Юльку снова хлестнули по лицу, как тогда в темноте на лестнице...

— А я видела тебя раньше, — уже спокойнее и мягче сказала Дюк, снова шагая по тропинке впереди Юльки. — Мне было шесть лет, а тебе и пяти тогда, наверно, не было. Ты сидела на диване у деда в комнате и мастерила какие-то самолетки из красной бумаги. И редела, потому что они не летали. Отец приезжал, чтобы со мной увидаться. А твоей матери говорил, что едет с тобой просто в гости к деду. Она ведь про меня так ничего и не знает...

Озеро уже виднелось за деревьями, уже можно было различить мелкие волны с морскими пенными барашками на гребнях, а Юлька все еще не придумала, что ответить Дюк на это «не живи!».

Тропинка выросла в пологую, хорошо утопанную дорогу, свернула к железнодорожной линии, а Юлька все молчала.

— Мы здесь с дедушкой часто на лыжах катались. Один раз я ногу растянула, и он меня тащил до самого верха. А ведь ему тогда было уже шестьдесят восемь.

Да. Это верно, дед никогда не носил Юльку на руках. Но зато Дюк никогда не слышала отцовских песен. Он не пел ей их. Не пел!.. И волосы ее не завиваются в кольца, а у Юльки завиваются! И у Юльки красивый и громкий голос. Точно такой же красивый и громкий голос был у отца!.. И что знает эта Дюк о его песнях? О старом майоре, которому не спится, когда из-за далеких гор приходит гроза? Или о трех товарищах из города Эн, замученных фашистами?..

— Неправда! — Голос вернулся к Юльке и не звучал

больше со стороны. — Вранье! Ты на него ни капли не похожа! Ни капли!

Дюк остановилась, пропустила вперед Юльку, отстала...

Теперь они стояли в добром десятке метров друг от друга, и озеро упрямо хотело прорваться на кусочек земли между ними, лизало берег, заскакивало волнами почти к самым Юлькиным ногам. Юлька отбежала еще дальше и от Дюк, и от озера. Пусть оно лижет Дюковы туфли, у Юльки же, если не считать тех предателей, эти туфли на ногах последние. К тому же надо беречь от простуды свой красивый голос!

— Вранье! — снова крикнула Юлька. — Все вранье!

Дюк круто повернулась и пошла обратно к тропинке, ведущей на холм, не оглядываясь...

От озера тянулась сырая прохлада и оставалась у деревьев, под которыми шла Юлька. Прохлада была тяжелой, влажной, словно само озеро вышло из берегов и захлестнуло Юльку холодными волнами. Наверно, именно такой же, как это озеро, далекий Финский залив. Холодный, с барашками и всегда без солнца, потому что на севере.

6. ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА

Юлькины туфли к концу пути все-таки промокли насквозь, хотя озеро и не тронуло их. Наверно, от дождя и от грязи. Юлька сняла их и, держа в руках, пошла босиком по нежно-теплому асфальту... Все девчонки, встречающиеся ей по дороге, увидев ее, тут же с беспокойством задирали головы вверх: а не собирается ли дождик и не следует ли и им поберечь туфли? Но в городе всюду светило солнце, не захотевшее сегодня за-

глянуть туда, на тот холм. Так и надо! Правильно? Пусть оно светит здесь, для Юльки. Это справедливо. У нее и так сегодня отняли и имя, и дом на холме, и вообще все-все...

Дома она швырнула в угол промокшие туфли и бросилась на диван.

— Надо же!

На ее голос в тишине сейчас же отозвалось эхо, живущее в рояле. И Юльке вдруг снова, совсем как тогда, в первый вечер, когда спускались на землю вечерние сумерки, стало страшно, и почему-то показалось, что где-то совсем недалеко плывут-плывут к городу самолеты, чтобы кого-нибудь убить в этом городе ночью.

Но сумерки еще не пришли, хотя солнце уже и не светило в полную силу. Его пятна на подоконнике и на полу напоминали Юльке грустную музыку, которую ей хотелось сочинять иногда. Если бы она умела играть и знала бы ноты, она обязательно придумывала бы музыку и песни. Сегодня она придумала бы музыку самую печальную, чтобы люди, услышав ее, сразу поняли бы, как Юльке тяжело и тоскливо в этом городе, где у нее нет ничего родного... Юлька заплакала. Так бывало и раньше. Когда она гостила у няни Мани и даже в пионерском лагере — когда вспоминался дом. Теперь же это были какие-то другие слезы — странная жалость к себе и непонятное сожаление о чем-то пришли к Юльке... Но за что было жалеть Юльку и о чем сожалеть?

Каждый раз, когда ее обижали, она обычно сожалела об одном — о том, что у нее не такие большие и красивые, как у матери, глаза и не золотые, как у Любки, волосы. И тогда центр неба над Юлькиной головой вдруг предательски смещался в сторону, и вспоминался сразу Федька Толкачев, который еще во втором классе поймал ее в ее же собственном дворе и сунул за ворот-

ник сосульку, а потом излупил просто так, ни за что ни про что. Сколько ночей проплакала тогда маленькая Юлька, жалея, что у нее нет отца, который мог бы за нее заступиться, или дяди, или брата, или вообще хоть какого-нибудь родственника, не такого слабого и беспомощного, как мать, которая могла только пожаловаться в школе, а дать сама сдачи за Юльку не могла...

Но Толкачева Юлька все-таки победила тогда! Победила самым странным и неожиданным оружием! Когда однажды на перемене он ударил ее, а потом прижал к стене так, что хрупнули пробирки в ее руке, которые она несла в класс на урок, и осколки начали впиваться ей в ладонь, она, глядя в его наглые хулиганские глаза и вспомнив с безнадежностью, что нет у нее ни отца, ни дяди, ни брата, ни другого родственника, кроме далекого деда-врага, которые могли бы за нее заступиться, сказала звенящим от ненависти голосом:

— Вот я вырасту! И у меня будет... Сын! И он будет лупить тебя каждый день. Если даже ты спрячешься на Северный полюс, все равно каждый день...

Толкачев глупо засмеялся и отпустил ее... Больше он почему-то ее не трогал, а Юльке с тех пор часто снился один и тот же веселый сон: высокий широкоплечий человек ведет маленькую Юльку в белом парадном фартучке за руку по улице, и все оглядываются на них и улыбаются, потому что знают — Юлька и ее Сын идут лупить Толкачева.

То было смешное, совсем детское, и странно — тогда Юлька чувствовала себя менее беззащитной, чем теперь. Словно Юлькино место на земле с центром неба над Юлькиной головой вдруг оказалось занятым! Словно Юльке еще предстояло заслужить право на все это — и на свою землю, и на свое небо, и на свою редкостную фамилию, и вообще на все Юлькино... Но разве это так?

Ведь она родилась, она пришла на Землю — Юлька! Одна-единственная! Она родилась, и центр неба сразу оказался над ней, над Юлькой! Даже когда счастье уходило от нее — погиб отец, а потом умерла бабушка, — центр неба все равно оставался над ее головой... А теперь он уходил, уходил!

Она вдруг вспомнила, как умерла бабушка. Юлька не знала, что она умирает. Бабушка прилегла на диван и попросила у Юльки пить. Юлька принесла ей воды, а через пять минут она снова попросила пить. Юльке надоело бегать за водой. «Бабушка, — сказала она, — я тебе принесу полную чашку и пей, когда захочешь». Она поставила чашку на стол возле дивана и убежала во двор играть. А бабушка умерла. А Юлька так и не знает, дотянулась ли она до чашки с водой...

Из-за окон пришла в комнату темнота, и Юльке стало совсем страшно.

* * *

Она даже обрадовалась, когда в прихожей раздался звонок. Ей показалось, что звонок этот сразу разбил темноту и в комнате сразу стало светло. Она помчалась открывать и, зная почти наверняка, что это Дюк, так и не сумела по дороге к прихожей замаскировать свою радость.

— Ты кого-то ждала?

— П-почему ждала? Я никого не ждала. П-просто так... Была рядом, п-потому и открыла сразу.

Туфли Дюк были в грязи, а на куртке и на аэрофлотной сумке темнели пятна воды — значит, попала под дождь. Юльку это неожиданно обрадовало — совсем не потому, что Дюк промокла, а потому, что та приехала, несмотря на дождь и грязь. Ведь приехала же! Ведь приехала!

— Обедала? — грубовато спросила Дюк, входя в комнату и снова швыряя сумку на загудевший рояль.

— Это очень дорогой инструмент. Нельзя вот так швырять на него что попало.

— Ах, да, — сказала Дюк и убрала сумку с рояля, — сейчас будем ужинать.

— Тебе кто-нибудь передал, что я обжора? Ты все время хочешь меня накормить.

— Я могу не кормить. Как хочешь.

Дюк скинула с ног грязные туфли и села на диван. Ее волосы, еще влажные от дождя, повисли потемневшими прядками и уже не были похожи на солнечные лучи. Юльке вдруг стало ее жалко. Наверно, оттого, что Дюк совсем не умела маскироваться по-юлькиному. По ее лицу Юлька сразу поняла, что Дюк ужасно неловко, что она смущена чем-то. Тем, что из-под носа у Юльки утянула деда? Или тем, что сказала: «Не живи»?.. Прекрасно! Так ей и надо!

— Зачем же ты сидишь босиком? У меня есть лишние туфли. Они мне все равно жмут. Дать?

— Если тебе жмут, на меня и вовсе не налезут. У меня нога большая, как у отца.

Они взглянули друг на друга и умолкли. Дюк зачем-то стала теревить и мять подушку, лежащую на диване, а Юлька тут же отняла у нее эту подушку и зачем-то начала взбивать ее... Тогда Дюк вместо того, чтобы заметить вслух, что спать еще рано, взяла и притащила из прихожей раскладушку... Зачем же тогда надо было приезжать? Разве она не могла спокойно выспаться там, на своем холме?

— Мне нужно видеть деда, — хмуря брови, сквозь зубы процедила Юлька. — Оказывается, он даже не знает, что я приехала, мамина телеграмма его не застала. А надо, чтобы он знал...

Дюк оставила свою раскладушку в покое и выпрямилась.

— Вот что! Я нарочно взяла его из больницы. И мама, и ее брат — хорошие врачи, их даже здесь, в городе, знают... И я ему тебя все равно не покажу. Незачем. Ты все равно ему чужая теперь.

— Но он хотел меня видеть!

— Он давно хотел тебя видеть... Когда погиб отец, он приехал, чтобы увидеться с тобой. А его не пустили. И сказали, чтобы он не приезжал больше... А он все равно опять приехал, а его опять не пустили... Тебя каждый раз от него прятали... А ты еще, как на зло, похожа на отца!

Юльке внезапно показалось, что перед ней и не Дюк вовсе, а маленькая, страшно обиженная кем-то девочка. Та самая, которую когда-то бил Федька Толкачев! Та самая, которая плакала ночами, жалея, что у нее нет отца или брата! Та самая, у которой когда-то не хотели улетать в небо красные самолеты... Словно Юлька вселилась в Дюк!

— А потом мы перестали его пускать к вам. И не пустим больше! Пока твоя мать отвечала на письма, он еще надеялся. А потом ответила ты... Ну и все. Ты ему и так слишком дорого обошлась!

— Но я хорошая! — сказала Юлька. — М-меня все хвалят!

— Кто — все?

— Все! Спроси, кого хочешь!

— Значит, ты для всех хороша — и для хороших людей, и для подлецов?

Юлька снова открыла рот, но от волнения ничего не смогла выговорить. А ведь хотела защищать себя изо всех сил. Просто она не была знакома с подлецами! Просто они ничего о ней не знают!

— У нас сейчас лечится один майор, — вдруг ни с того ни с сего сказала Дюк. — У него до сих пор осколки в сердце.

Это она вспомнила тот недавний их разговор на тропинке перед тем, как сказать Юльке «не живи»... Но почему вспомнила? Юльке стало холодно и неудобно, как и тогда, в первую ночь. Она сунула руки под теплую подушку, но все равно не согрелась.

— Его лечит твоя мать?

— Да. Моя мама.

— А м-моя работает экономистом. Они вместе с папой работали на одном предприятии. Всегда вместе...

— Да? — холодно переспросила Дюк.

— Да! — сказала Юлька...

— А зимой мы живем здесь, с дедом, — сказала Дюк.

— Ну и прекрасно, — сказала Юлька.

Они так и легли спать, не дождавшись полной темноты и не поужинав. Юлька — на диване, Дюк — на раскладушке. И тишина, пришедшая оттуда, со спокойного озера, сейчас же вошла в комнату.

Юльке же не хотелось тишины, ей хотелось поговорить еще хоть немного. Кто бы мог подумать, что все эти четырнадцать лет о Юльке думали, о ней тревожились... Но Дюк лежала молча, и казалось, густая-густая темнота пришла в комнату, хотя еще можно было различить предметы, даже стрелки часов на письменном столе деда.

Нет, все-таки непонятно, зачем нужно было приезжать со своего холма! Чтобы лежать на раскладушке и молчать?

— Твоя раскладушка так скрипит, что я никак не могу уснуть!

— Я же не шевелюсь.

— Все равно скрипит.

— Я могу перейти к тебе. Но ведь там тесно.

— Ничего не тесно, — помолчав, сказала Юлька.

Дюк с подушкой под мышкой протопала по полу и легла на диван рядом с Юлькой. Однако и тишина, и темнота все равно не ушли из комнаты, потому что Дюк молчала.

— Тебя мальчишки били когда-нибудь? — спросила Юлька.

— Нет, — ответила Дюк.

Юлька хотела рассказать ей про странную встречу на лестнице и про Федьку Толкачева, того единственного подлеца, которого она знала. и который, конечно же, до сих пор ничего хорошего сказать о Юльке не может, но Дюк оборвала ее:

— Ладно. Спи. Мне завтра вставать рано.

Юлька уткнулась носом в плечо Дюк. Плечо было маленьким, твердым и холодным оттого, что высунулось из-под одеяла. Юлька прикрыла его ладонью. Плечо согрелось, но все равно было твердым, совсем не таким, как Юлькино плечо... Они лежали вот так долго и долго молчали. И Юлька вдруг услышала, что у них совершенно одинаковое дыхание, совершенно один ритм — словно они долго шли куда-то и устали одинаково. Или вместе пели одну и ту же песню... И Юльке больше уже не захотелось разговаривать, потому что и так было хорошо.

* * *

А ночью ей снова приснился далекий и почти уже забытый веселый детский сон. Юлька и Сын шли по улице. Только все было почему-то наоборот. — Сын был совсем маленьким, совсем крошечным, как детсадовский малыш,

а у большой и сильной Юльки были крепкие, твердые плечи, жесткие ресницы и светлые, прямые, как солнечные лучи, волосы. Словно в Юльку вселилась Дюк.

Ощущение это было таким реальным, таким прочным, что, проснувшись утром и не обнаружив рядом с собой Дюк, Юлька не удивилась ни капельки, словно Дюк и Юлька в самом деле слились в одного человека... Юлька прищурила глаза — не от солнца, попавшего ей прямо в лицо, а чтобы разглядеть свои ресницы. Не стали ли они короткими и жесткими, как у Дюк.

Ресницы были по-прежнему длинными и мохнатыми. Юлька была Юлькой. Однако беспокойство, пришедшее к ней почему-то во сне, не оставило ее. Она еще долго лежала под одеялом, мучительно раздумывая над тем, почему же сон, сившийся ей тысячу раз, теперь был каким-то беспокойным. Потом она догадалась почему! Юлькин Сын на этот раз не был великаном! И во сне она все время с беспокойством щурила глаза, стараясь рассмотреть свои ресницы, и радовалась тому, что они жесткие и короткие. Словно именно от этого зависело, вырастет ли Сын в великана!

Надо же! Юлька рассмеялась от всей этой несусветной чепухи. Ей даже стало весело. Она вылезла из постели и тут же увидела лежащую на рояле записку от Дюк.

«Сегодня приехать не смогу, у нас концерт. Еда в холодильнике. На Зеленой площади есть музей. Смотри на обороте». На обороте записки подробно описывалось, как добраться до музея на Зеленой площади.

Все-таки это было совсем бессовестно со стороны Дюк — подсовывать Юльке музей на Зеленой площади вместо деда! Юльке снова стало обидно, и хорошее настроение ее улетучилось.

Часы на дедовом столе показывали половину десято-

го. Целый день впереди, долгий, скучный, одинокий. Как просто и легко день заполнялся дома, в Саратове!.. Она подсчитала на пальцах дни и ужаснулась — уже целую вечность она здесь, а ей не прислали из дому еще ни одного письма! Она торопливо оделась, причесалась кое-как, сунула ноги в старенькие, ссохшиеся за ночь туфли и побежала на первый этаж, к почтовым ящикам.

Писем из дому не было, и Юлькины глаза сразу подернулись влагой, словно ее с головой окунули в надоевший ей до смерти Финский залив. Она с трудом отыскала на дне этого залива свой этаж, свою дверь и кошелек с деньгами на столе в комнате. Надо сейчас же отправить матери телеграмму!

* * *

Чудеса в этом городе витали в воздухе, ютились под крышами домов, жались к подъездам. Когда Юлька вышла из дома, она нос к носу столкнулась с золотым незнакомцем из своего золотого сна! Он стоял у крыльца и спокойно разговаривал с каким-то мальчишкой...

Первое, что пришло Юльке в голову, было — сейчас же вернуться назад, переодеться в новый костюм, надеть новые туфли и сделать другую прическу. Но было уже поздно, они оба увидели ее и посторонились, уступая дорогу. Юльке не оставалось ничего другого, как пройти мимо него в старых туфлях, с убогими немодными косицами за спиной, с расцарапанными коленками!.. Ни Любка, ни Наташа такого, конечно, не перенесли бы. Не перенесла бы этого и Юлька, если бы за ее спиной не раздалось:

— Новенькая в нашем доме появилась!

— Это не наша. Приходила к кому-то.

- К кому ж так рано?
- А хорошая мордочка.
- Я не разглядел...

Ах, как жаль, что он не разглядел! И обернуться нельзя! Просто невозможно обернуться!..

Юлька дошла до первого переулка и завернула за угол, хотя ей надо было дойти до Центральной улицы, никуда не сворачивая. Здесь, в переулке за углом, она постояла немного, стараясь успокоить прохладной ладонью по очереди горячие щеки, предававшие ее всю жизнь... Если сейчас уйти на почтамт — а это значит уйти надолго, — то они так и подумают, что Юлька приходила к кому-нибудь в гости и теперь ушла навсегда и больше не придет.

Переулок, в котором она укрылась, спокойный и уютный раньше, теперь был разрыт, распахан — здесь в глубокую траншею укладывали какие-то трубы, и деревянные мостики с перильцами, перекинутые от тротуара к тротуару, напомнили Юльке Ленинград в тот сказочный вечер, когда она металась по городу в пустынной тишине, разрывая завесу стремительного холодного снега. Сейчас было лето, и она стояла на солнечной стороне улицы, и солнце золотило и согревало ее плечи и колени, но ощущение предстоящего чуда снова было с ней.

Она медленно вышла из переулка и пошла назад к дому.

Они все еще стояли у крыльца, но теперь их было уже трое. Они все трое заметили ее, когда Юльке оставалось пройти до крыльца метров десять, и эти метры Юлька прошла так, словно на ногах у нее были снова волшебные туфли-кораблики.

— А вы к кому? — это спросил не золотой, а кто-то из тех остальных, но ведь все равно золотой стоял рядом,

и Юлька, успевшая уже подняться на крыльцо и взяться за ручку двери, остановилась.

— А я здесь живу.

— Поменялись квартирами? — это спросил уже золотой, и Юлька выпустила ручку двери.

— Я п-приехала в гости к деду.

— Ага, — сказал золотой. — Серега! Где у нас живут деды?

— Дедов у нас много! На первом два, на втором еще один. Самый вредный на пятом, под чердаком.

Юлька испугалась, что они дойдут до четвертого этажа, и быстро сказала:

— Скучный у вас город.

— Почему же скучный?

— Волги нет.

— Ах, вы с Волги! — это сказал золотой. — Но у нас озеро!

— И пляж есть, — добавили остальные.

— Если хочешь знать, песок там, как на Черном море. — Это золотой перешел на «ты»!

— На Черном море нет песка, — равнодушным тоном все знающего и все испытавшего человека сказала Юлька. — Там камни. Как булыжники.

— На нашем — песочек!

— Желтенький!

— Сахарный!

— Как в детском садике!

— Так вам и поверили!

— На спор?

— На спор.

— Купаться, пожалуй, не искупаешься, холодно. А прогуляться можно. На переправе. Острова у нас — нигде таких нет.

Все это было здорово похоже на то, как Юлька на-

значала свидание тому, северному, так и не полюбившему Волгу.

— А сосны у вас есть?

— Поищем!

— Поедешь?

— Н-не знаю.

— Если надумаешь, то позвони во вторую квартиру, вот этому, Сереге.

Сереге?.. Юльку Серега не интересовал ни капельки.

— Я п-подумаю, — сказала она.

* * *

Ровно два битых-убитых часа провела она перед зеркалом, придумывая новую прическу. Она укладывала волосы на голове то башней, то валиками-крендельками, то просто связывала их хвостом на затылке, то распускала по плечам — все было плохо, все ей не нравилось, и, значит, ему не понравилось бы.

Она возненавидела свои волосы. Лучше уж постричься — гладенько и просто, как у Дюк. Зачем эти крендели-завитки на голове? Все равно никто не верит, что это свои! Вот Дюк повезло — никаких кудрей, и волосы пышные.

В конце концов она все-таки смастерила кое-что на голове, надела костюм с плиссе, новые туфли, соскребла в прихожей со стенки немного мела, чтобы припудрить расцарапанные вчера о кусты коленки, и выбежала на улицу. Но у подъезда было пусто и совсем тоскливо, как на осеннем пляже, когда он начинает напоминать пустыню Каракум...

На почтамте Юлька испортила пять или шесть бланков, но так и не смогла придумать, какими словами дать

понять матери, что ей хочется обратно домой. Пусть даже в одну комнату с таран-торпедой! Пусть! Они уживутся!

Она мучилась над пустыми бланками до тех пор, пока ее не согнали с подоконника, на котором она устроилась. Она ушла с почтамта, так ничего и не придумав.

Зеленую площадь Юлька не искала, эта площадь попалась ей на глаза сама, когда Юлька, набродившись по шумным центральным улицам и съев две порции мороженого в маленьком стеклянном кафе, выбралась на одну из тихих улочек и пошла по ней, для интереса никуда не сворачивая. Улочка и вывела ее к тихой Зеленой площади.

Музей стоял за низенькой металлической оградой маленького сада. Старинная вросшая в землю пушка у входа под навесом глянула грозным черным жерлом прямо Юльке в лицо, когда та подходила к крыльцу, напомнив Юльке почему-то Дюк. И Юлька ответила ей таким же бесцеремонным и нагловатым взглядом, заглянув в пустое черное жерло. Ничего она там не увидела!

Музей был не очень большой — меньше, чем Юлькин в Саратове. Посетителей в маленьких залах было немного. Все, что находилось в этих залах, Юлька давным-давно видела в других музеях. Самый же интересный зал Юльке так и не удалось рассмотреть толком. Восковые фигуры в человеческий рост в старинных одеждах заполнили этот зал, расположившись вокруг стола, заставленного глиняной посудой. Они напомнили Юльке жителей уснувшего царства, но все-таки больше были похожи на мертвецов. В зале, кроме Юльки, никого больше не было, и она поторопилась поскорее из него уйти, пожалев, что рядом нет Любки с Наташей. Уж

втроем они нашли бы, над чем посмеяться в этом музее. Они всегда умели смеяться даже над самым несмешным — когда были втроем.

А в соседнем зале было совсем неинтересно! На стенках висели фотографии, лежали под стеклом какие-то бумаги, стальная каска. Подальше, на самом видном месте, под стеклом висела шашка с витой блестящей рукоятью и лопнувшим клинком. Табличка, прибитая под нею, сообщала, что шашка не принадлежит музею, а принадлежит ученику восьмого класса восемнадцатой школы Коле Антропову, который получил ее по наследству от своего деда.

Неприятнь шефельнулась в Юльке к этому Антропову-наследнику, пролезшему в музей на плечах своего, наверно, знаменитого деда. А может быть, это была просто зависть?

Юлька отвернулась, хотя шашка с витой рукоятью была самым интересным экспонатом в этом маленьком, заполненном фотографиями зале, машинально скользнула взглядом по табличкам, развешанным под фотографиями на противоположной стене, и тут же испуганно отпрянула назад, чуть не выдавив локтем стекло витрины с шашкой Антропова-наследника. В одном из коротеньких столбцов печатного текста она увидела свою фамилию! «Витанович! — кричала табличка под нижней фотографией слева. — Ви-та-но-вич!»

Юлька на цыпочках подошла.

Табличка сухо и официально доводила до Юлькиного сведения, что на фотографии, висящей перед ней, — старший лейтенант Егор Витанович, бывший ученик десятой средней школы и бывший студент педагогического института, ушедший в 1941 году добровольцем на фронт и погибший смертью героя в 1943 году под городом Черниговом...

Егор, старший брат отца, которого Юлька не видела никогда и не могла видеть и о котором она никогда не думала раньше, смотрел на нее с фотографии из-под коротких и, наверно, очень жестких ресниц пристальным, застывшим взглядом, воскресшим для Юльки совсем недавно в упрямом взгляде Дюк! У него были светлые глаза и совсем светлые прямые волосы, откинутые назад со лба... Юльке показалось: это Дюк посмотрела на нее с фотографии!

Значит, был в их роду человек, оставивший Дюк свое лицо, и свой взгляд, и еще что-то непонятное, суровое и гордое, тревожащее Юльку... Все нормальные дочери похожи на отцов. В крайнем случае — на матерей. А эта — на дядю... Странно, наверно, знать, что ты похожа на человека, который умер задолго до того, как ты родилась. Не умер! Его убили фашисты. Может быть, осколком в сердце — тяжелым, как топор, с рваными, острыми, как у ножа, краями... Или пулей — не той, которую выдумала Юлька и которая входила в сердце легко, а настоящей, несущей настоящую смерть навсегда. И он не бежал, не спасался... «Но ведь нельзя же все время помнить об этом! Так и жить нельзя будет!» «Так не живи!»

Через зал с шумом и топотом прошла группа мальчишек, бесцеремонно задевая Юльку локтями. Мальчишки искали какой-то старинный мушкет. «Настоящий! Мушкетерский!»

Внезапный гнев вырос в Юлькиной душе! Словно держала она в руках что-то большое, драгоценное, как сердце, а они, толкая ее, не заметили этого, а если заметили, то отнеслись к этому беспечно и равнодушно...

В сквере у кинотеатра, где когда-то Юлька встретила своего золотого, было полно народу — киносеанс еще не начался. Скамейка, на которой Юлька сидела когда-то, была занята стайкой девчонок в платьях «бэби» и с модными прическами.

— А он плохо танцует! Плохо! Плохо! Не спорьте!

— А все равно с ним танцевать всегда приятно!

— Не всегда, а только в жаркую погоду. У него руки всегда холодные-холодные...

Юлька остановилась у скамьи. Девчонки эти показались ей очень хорошими, ужасно своими, чем-то похожими на Любку с Наташей. Если бы она заговорила с ними, они сразу бы поняли друг друга и сразу нашли бы общий язык. Они ничем не были похожи на странную и жестокую Дюк. Свое, родное, привычное, саратовское возникло перед Юлькой вместе с этими веселыми девчонками! Юлька хотела заговорить с ними о чем-нибудь, о каком-нибудь родном пустячке, вроде того, что «бэби» в будущем сезоне будут и не модными вовсе, а платья будут шить в талию, но из фойе кинотеатра раздался пронзительный звонок, и стайка девчонок с веселым родным визгом снялась с места. Сквер мгновенно опустел. Юлька вздохнула и присела на краешек скамьи. И зачем она торчит в этом городе, в чужой, пустой квартире? Ведь она может сегодня же, сей же час, уложить свои вещи и ехать на вокзал за билетом! Ведь есть и оговорка в телеграмме, и мать, прощаясь, сказала ей, чтобы она возвращалась сейчас же домой, если ей не понравится у деда! А ей не понравилось!

Похоже было, что на город надвигалась гроза. Подул ветер, такой резкий и холодный, что у Юльки заледенели коленки, а руки стали точно такими же, как у того

мальчишки, с которым хорошо танцевать в жаркую погоду. Она вспомнила про свои теплые кофты, свитер, платок, лежащие в чемодане, даже про осенние полусапожки, а потом снова подумала о матери и о том, что от нее до сих пор нет писем...

Никогда еще в жизни ей не было так одиноко, как теперь на этой скамейке в чужом сквере под чужим небом совсем чужого города, ни капельки не похожего на тихий песенный город со стеклянной водой в медленной речке.

* *
*

А дома в почтовом ящике ее ожидали сразу три письма!

Первое письмо было от матери. Мать писала, что страшно соскучилась, что очень беспокоится, что лучше бы все-таки было, если бы Юлька поехала к няне Мане с Любкой и Наташей. Дальше она писала, что они с Василием Леонтьевичем уже смотрели новую квартиру и что она им понравилась. Как только все окончательно выяснится, она даст Юльке телеграмму, чтобы Юлька немедленно вылетала домой, поскольку к моменту въезда и прописки ей лучше все-таки быть дома.

Любка в своем письме ехидно сообщала, что Юлькину законную жилплощадь, как и следовало ожидать, тут же после ее отъезда занял Василий Леонтьевич, и злорадствовала — так Юльке и надо, если она так легко позволила себя с этой жилплощади выжить.

А третье письмо было от самого Василия Леонтьевича. Письмо было почти официальным, хотя он и прикрыл эту свою официальность шутивным обращением «Юленька-дуленька». Он сообщал, что, возможно, квартиру они получают раньше, чем предполагалось, и, как будущий отчим, приглашал Юльку под свой кров.

Вот же сколько хороших людей на свете! И Василий Леонтьевич! И няня Маня! И никто из них еще ни разу не сказал Юльке: «Не живи!» И никто не скажет ей этого, если ей не захочется помнить о застывшем взгляде Егора Витановича...

Поднявшись к себе наверх, она быстро собрала вещи. Собирать-то, собственно говоря, было нечего — она так и не вынимала ни теплых кофт, ни свитера, ни платка из чемодана. Она положила в него зеркальце, расческу, туфли-предатели, банки с компотом, телеграмму о своем приезде и внимательно огляделась, не оставила ли чего-нибудь такого, что могло напомнить обитателям этой комнаты о ее приезде.

Конечно же, оставила! Взломанный шкаф!

Ни молотка, ни гвоздей в квартире она не нашла и, пытаясь починить сломанный крючок голыми руками, нечаянно задела стопку журналов, лежащую на нижней полке. Журналы поползли на пол, и тогда неожиданно вместе с ними вылезла из шкафа тяжелая металлическая коробка. Удержать ее Юлька не успела, она опрокинулась набок, раскрылась, и в Юлькины руки из нее медленно сполз тяжелый, но маленький, похожий на детскую игрушку пистолет.

Юлька не сразу поняла, что это настоящее оружие. Сначала она так и подумала, что это игрушка. Но пистолет был настоящий — плоский, черный, с устремленным вперед коротким дулом, с чуть подавшейся назад маленькой рукояткой, отделанной с обеих сторон желтыми полированными пластинками из дерева. Пластинки расшатались, отстали, и поэтому в двух местах рукоять была туго перехвачена тонкой, потемневшей от времени металлической полоской, врезавшейся в дерево... Может быть, это был и не пистолет вовсе, а какой-нибудь револьвер или наган. Или даже браунинг...

Оцепеневшая Юлька долго сидела на корточках перед распахнутым шкафом, не шелохнувшись, держа находку на раскрытой ладони. Браунинг был старый и покалеченный, но из него, наверно, еще можно было стрелять...

Зажмурив глаза, Юлька рывком сунула его обратно в коробку. Там что-то коротко и сухо звякнуло. «Патроны!» — подумала Юлька.

Но патронов в коробке не было. Там лежали звезды... Большая, красивая, как цветок, с серпом и молотом в золотых лучах. Звезда без лучей, яркая, как знамя, с фигуркой солдата в центре. Три совсем одинаковые, только разного цвета, на полосатых колодках, с одной и той же надписью: «слава», «слава», «слава»... И еще звезды, и еще...

Такие ордена Юлька видела и раньше. Но всегда это было связано с чем-то торжественным и шумным, с грохотом барабанов, с громкими маршами — на пионерских сборах, на парадах, когда все празднично и даже весело. А здесь они лежали на Юлькиных ладонях тихо, молчаливо, и отблески далеких боев хранились в их золотых и серебряных лучах... Они были похожи на те отцовские песни, в которых пелось о суровом боге войны, гремящем в седых лесах, и о старом майоре, которому не спится, когда из-за далеких гор приходит гроза.

Она осторожно положила ордена обратно в коробку и тогда увидела, что положенный ею туда раньше браунинг-пистолет повернут к ней теперь другой своей стороной и на деревянной пластинке, перехваченной металлическими полосками, видна старая, почти стершаяся неглубокая резьба. Это была какая-то надпись, и буквы были латинские... Не прикасаясь к коробке, Юлька попыталась прочитать незнакомые, чужие слова. Первое слово было совсем не понятным. То ли Цурги, то ли Гурги. Дальше шла какая-то дата, почти целиком закрытая

металлической пластинкой, скрепившей рукоять. Ниже расположилась вторая строчка, и первое слово в ней показалось Юльке почему-то знакомым, словно оно давно было известно Юльке, только хитро замаскировалось теперь за чужими буквами, за чужим языком. «Салудо», — прочитала Юлька. Следующее же слово снова перехватывалось металлической полоской, и можно было прочитать лишь его первую половину — «цамар» или «камар»... Почему камар? Даже не комар, а камар?..

Она все еще сидела над коробкой, разгадывая это знакомо-незнакомое «салудо», когда где-то в соседской квартире часы пробили два раза.

Тогда она закрыла коробку и осторожно поставила ее на прежнее место в шкафу. Но странно — в руках у нее словно остался холодок от этих застывших серебряных лучей... Юлька даже озябла. И странное сожаление снова вернулось к ней!

И было оно таким сильным, таким горьким и таким огромным, что уместиться с ним вдвоем в небольшой тесной комнате деда было просто невозможно!

Юлька взяла кошелек с деньгами, пихнула ногой упакованный чемодан, стоящий посреди комнаты, и ушла из квартиры. Она спустилась по лестнице, миновала Мельничную улицу, вышла на Центральную, и мимо нее с шумным шелестом промчался троллейбус. Шестой троллейбус шел на вокзал, к электричке. Это Юлька помнила еще со вчерашнего дня.

7. ОТКРЫТИЕ

На этот раз она сошла на той станции, на которой ей и нужно было сойти, и сразу вышла к главному входу в парк. Совершенно неожиданно здесь не оказалось ни отвесных тропинок, ни крутых ступеней, ведущих вверх. Неширокая дорога, покрытая асфальтом, поднималась некруто, почти полого, врезавшись в зеленое тело холма и кое-где делая мягкие повороты — по ней спокойно мог проехать даже автомобиль.

У ворот парка прогуливался вахтер, и Юлька, не рискнув завязать с ним знакомство, нашла первую попавшуюся ей дыру в ограде, через нее проникла в парк, тут же застряла в кустах и позорно выбиралась из них уже через чистенькие газоны и клумбы. Потом ей пришлось пробираться через чащобу влажных кустов, хлеставших ее по исцарапанным коленкам.

Где-то вдалеке, за холмом, громыхнул гром, по кустам захлопали крупные капли — звонкие, словно разноцветные. После такого дождя Юльке всегда хотелось пошарить под деревьями, отыскать на земле прозрачные капли-камешки...

Наконец, ей удалось выбраться к деревянной сцене-раковине, мимо которой вчера тащила ее к беседке Дюк. На дощатом полу сцены валялись залетевшие с деревьев листья. Юльке почему-то вспомнилась последняя смена в пионерском лагере, когда осень уже на носу и в лагере все выглядит бесприютным и заброшенным. Она на цыпочках пошла через «зрительный зал» — несколько садовых скамеек, сдвинутых в неровные ряды, — но не успела пройти и десяти шагов, как хлынул ливень. Она добежала до сцены и взлетела по скрипучим ступенькам под крышу. Промокла она до последней ниточки, но странно: плиссе на юбке почему-то теперь ее уже не беспокоило так, как позавчера, когда она у ларечка неподалеку от больницы ела колбасу и ругалась.

Она прижалась к вогнутой стенке сцены, стараясь быть незаметной, чтобы ее не увидел кто-нибудь из парка. Она боялась попасться на глаза кому-нибудь раньше, чем она покажется самой Дюк...

Дождь не кончался, продолжал с силой хлестать по звонкой покато́й крыше сцены, но склонившееся к самому горизонту солнце вдруг прорвалось сквозь блестящую листву и круглым ярким пятном легло Юльке под

ноги. Прижатое тучей почти к самому горизонту, оно было ярко-оранжевого цвета, как огромный прожектор. Юльке вдруг подумалось, что ей никогда еще не приходилось стоять вот так на сцене в свете яркого луча... А шум дождя — это шум зрительного зала, не затихшего после оваций. Еще не придуманная Юлькой музыка жила в нем!

Она осторожно подошла к краю сцены, ливень сейчас же забарабанил по ее плечам и тут же отступил — то ли ветер отогнал его в сторону, то ли гроза начала стихать. А музыка, жившая в нем до сих пор, ушла от него к Юльке. Юлька шепотом запела.

Она запела песню о трех товарищах из города Эн, замученных фашистами. Это была самая грустная песня на свете из всех песен, которые знала Юлька.

Жили три друга-товарища
В маленьком городе Эн,
Были три друга-товарища
Взяты фашистами в плен...

Словно знакомые колечки синего папиросного дыма поплыли вдруг перед Юлькиными глазами и густым голубым туманом заслонили от нее и зрительный зал, и деревья вокруг него, хотя солнце, все еще лежащее на сцене у ее ног, хорошо освещало и зрительный зал, и парк.

Стали допрашивать первого,
Долго пытали его,
Умер товарищ замученный
И не сказал ничего...

Она запела громче. Она сама не знала, что у нее такой сильный и по-мальчишески звонкий голос. В пустых комнатах наедине с домашним эхом он звучал совсем по-другому, приглушенно и робко.

...Третий товарищ не вытерпел,
Третий - язык развязал.
- Не о чем нам разговаривать!
Он перед смертью сказал...

Туча прикрыла солнце, и на несколько секунд оно погасло в Юлькиных глазах. Стало темно, словно в зрительном зале погасили свет. Дождь давно уже не шумел и не бил по крыше, как будто решил послушать, чем же кончится Юлькина песня...

Никогда в жизни Юльке не было так жаль уходящего солнца! И никогда-никогда ей не было так по-настоящему, до горьких слез жалко трех товарищей из города Эн, замученных фашистами... Она не стала петь последний, самый грустный куплет, тихонько спустилась со сцены и пошла через зрительный зал, с трудом выбираясь из лабиринта мокрых скамеек...

- Что же ты не допела?

Вздрагнув, Юлька повернулась на голос.

Слева от нее, прислонившись к мокрому стволу дерева, стоял человек. Он был в старом военном кителе и почти не выделялся на фоне темной зелени, окружившей зрительный зал. Он был невысокий, с седеющей головой, а левая его рука тяжело лежала на груди - там, где сердце, правой же он опирался на палку. На плечах его виднелись темные полосы - следы от дождя - как погоны.

Юлька почувствовала, что покраснела. Никто никогда, ни одна душа не слышала Юлькиных песен. Пожалуй, Юлька даже стыдилась их. Любка с Наташей просто засмеяли бы ее, услышав, какие немодные песни она поет.

- П-простите, - сказала Юлька. - Я в-вам помешала?..

- Напротив. Ты сейчас даже лучше пела, чем на концерте.

- Н-на каком концерте?

- Ты же пела эту песню!

- Когда?!

- Сегодня, здесь на концерте...

- Что вы, я н-не пела...

- Ну как же не пела? Ты - Юля! И у тебя такая красивая редкая фамилия... Ты - Витаневич!

- Витанович! - поправила его Юлька, прежде чем успела хоть что-нибудь сообразить.

- Ну вот видишь, я почти запомнил. Только мне почему-то показалось тогда, что ты беленькая.. Или я тебя действительно спутал с кем-нибудь?

Конечно! Спутал! Неужто он спутал ее с Дюк?.. Спутал по песне?.. Неужто сегодня здесь, на этой сцене, Дюк пела Юлькину песню?!

- Я не Витаневич, - сказала Юлька захлебнувшись голосом. - Я в-вовсе н-не Витаневич!.. И я н-не пела. И я здесь н-не живу. А вы ничего не знаете и все путаете!

Она повернулась и хотела уйти от него, но он задержал ее сердитым вопросом:

- А почему ты грубишь?

Началось! Именно так или приблизительно так в последнее время кончались почти все Юлькины разговоры со взрослыми. А потом были жалобы на нее, и ей влетало. Но этому человеку в кителе некому было пожаловаться на Юльку.

- Простите, - сказала она, стараясь не глядеть ему в глаза. - Я не грублю, просто у меня такой уж голос.

- Ну, положим, у тебя хороший голос. Жаль, что ты не допела песню.

- Это очень старая песня, - буркнула Юлька. - Ее уже давно не поют.

- Да, - сказал он задумчиво, отодвигаясь от ствола дерева и тяжело опираясь на палку. - Песня очень старая, ее пели еще до войны.

- Ее не могли петь до войны, - мягко возразила ему Юлька. - Это военная песня. Там же поется про войну с фашистами.

- Но ведь еще была Испания! - сказал он.

Да. Конечно! Как же Юлька могла забыть об этом? Ведь еще была Испания, где тоже дрались с фашистами и где в маленьком незнакомом городе Эн жили три товарища, взятые фашистами в плен.

Он опять прислонился к стволу и снова положил руку на сердце, а Юлька вдруг подумала - а что, если это тот самый, у которого в сердце осколок?

- Вы м-майор? - спросила Юлька.

- А что?

- Н-ничего. Так, - глуховатым голосом сказала Юлька. - Я так. Я думала, что вы майор.

- А какое это имеет значение? - спросил он с интересом.

- Н-никакого, - сказала Юлька. - Зачем вы ходите? Вам нельзя так много ходить.

- Почему нельзя? - спросил он почти сердито, и Юлька поняла, что ему и в самом деле нельзя много ходить.

- Потому что сыро, холодно. Так вас никогда и не вылечат.

- Я завтра уезжаю. Вылечился...

Юльке послышалась какая-то странная усмешка в его голосе, она приняла ее на свой счет. В другое время этого было бы достаточно, чтобы снова сказать что-нибудь резкое, но на этот раз она лишь спросила с обидой:

- И почему это все взрослые так не любят друг друга?

- Почему не любят?

- Не любят! Я это чувствую по себе.

- Ты взрослая?

- Взрослая, - сказала Юлька.

Он непонятно прищурил глаза.

- Видишь ли, - сказал он, доставая из кармана сигареты и закуривая. Значит, ты выросла и сделалась равной с ними, со взрослыми. Такой же, как они сами... Наверно, они ждут от тебя чего-то серьезного - пришла пора. А ты не привыкла к этому. Наверно, они хотят, чтобы ты берегла то, что берегут они... А ты не готова?

Юлька вдруг вспомнила, как стояла она в музее перед фотографией и как казалось ей, что держит она в руках что-то большое, драгоценное. И как внезапный гнев вырос в ней, когда мимо нее и Егора Витановича бесцеремонно и равнодушно прошли мальчишки, разыскивая старинный мушкет. Быть может, точно такое же чувство испытывали взрослые к той, к прежней Юльке?.. А она, ничего не поняв, отгородилась от них враждебной броней необщительности...

Он затянулся. Знакомые колечки папиросного дыма поплыли над Юлькиной головой, запах его смешался с запахом опавших, не сумевших почему-то пожелтеть листьев. У Юльки закружилась голова, она вцепилась руками в мокрую спинку скамьи и сказала шепотом:

- Курить вам тоже нельзя, а вы курите.

- Гм, - сказал он, - все-таки я тебя припомнил. Ты действительно Витаневич!

- Нет! - сказала Юлька.

- Как же твоя фамилия?

- А ваша? - спросила Юлька.

Он засмеялся:

- А если я засекречен? Если я из города Эн?

- А я из Саратова, - сказала Юлька.

- Ну вот видишь! Почти земляки! - воскликнул он. - И все-таки ты Витаневич.

- Простите, я очень спешу, - сказала Юлька, отцепив руки от спинки скамьи.

Она убежала от него, оглянувшись напоследок два раза. И оба раза видела - он стоял посреди дорожки между двумя рядами садовых скамеек и смотрел ей вслед, опираясь на палку. Наверно, ему было трудно повернуться к ней всем своим большим больным телом, и он смотрел на нее, повернув в ее сторону лишь голову. Так иногда смотрят люди со старинных портретов.

Юльке показалось, что она его обидела. Может быть, ему было скучно бродить по парку одному и он хотел поговорить с ней еще о чем-нибудь, а она убежала. А может быть, ему не хочется завтра уезжать отсюда, и он хотел пожаловаться на это Юльке. Зачем она убежала? Ведь не было рядом ни Любки, ни Наташи, которые могли бы засмеяться, если Юлька сделала бы что-нибудь не так... Они умели смеяться даже над самым несмешным. А почему? Зачем?

Голова ее была так прочно занята этими беспокойными мыслями, что она не сразу нашла дорогу к беседке, где они вчера с Дюк выясняли родственные отношения. Кусты и деревья росли часто, они обступали ее со всех сторон. Юлька вся исцарапалась, пока наконец-то выбралась к знакомой беседке.

В беседке было пусто, только разноцветные лепестки каких-то уже увядших полевых цветов да опавшие зеленые листья лежали

на полу, словно разноцветные капли застывшего дождя, которые никогда не отыщешь под деревьями и которые залетели сюда только потому, что здесь их никто не мог увидеть, кроме Юльки.

Юлька собрала лепестки дождя в вялый букетик, сгребла в сторону мокрые листья и села на скамью...

То, что этот военный принял Юльку за Дюк, было странно и даже страшно, словно у Юльки оказался двойник, как две капли воды похожий на нее. Но ведь это было не так! Они совсем не похожи друг на друга! Ну и что из того, что они знают одну и ту же песню? Если ее пел отец, значит, могли петь и тысячи других людей. В конце концов, это совсем разные песни! Одна - Юлькина, которая никогда-никогда, до самого сегодняшнего дня, не пелась громко, а только вполголоса, в одиночестве, другая песня - песня Дюк, которую та пела громко, для людей. А почему не пела свою песню для людей Юлька?..

Скамья, на которой сидела Юлька, была холодной, и беседка, как и тогда, продувалась ветром насквозь. У Юльки похолодели руки и кончик носа. Она поднесла ладони лодочкой к лицу и попробовала дыханием отогреть озябший нос. Наверное, нос был красный от холода, а ей очень хотелось быть красивее Дюк. Но она и так красивее! Ведь она похожа на отца, а Дюк не похожа!

Сумерки приходили в парк быстро. Наверно, потому, что туча, пронесшаяся ливнем, ушла в ту сторону, куда ушло и солнце. Стало еще холоднее, и ветер подул сильнее. Юльку охватило странное беспокойство. Она никак не могла уловить причину этого беспокойства, оно не было связано с той жалостью к себе и с горьким сожалением, которое так и не уходило от Юльки, поселившись в ней прочно. Беспокойство это существовало отдельно, жило само по себе. Это было беспокойство о чем-то дру-

гом, словно она забыла сделать что-то важное, без чего не имеет права, не может уйти отсюда, не повидав Дюк... Надо было найти ее во что бы то ни стало. Она поднялась и, выйдя из беседки, по мокрой тропинке пошла к главному корпусу мимо затихшей сцены. Человека в кителе здесь уже не было. И вообще парк затих, только редкий дождь шлепал по неподвижным листьям. Когда Юлька задевала их головой или плечами, они шевелились сонно и сонно сбрасывали на Юльку холодные капли.

Дюк она нашла неожиданно быстро — у распахнутых дверей главного корпуса. Дюк была в новом платье, похожем на Юлькин костюмчик с плиссированной юбкой, а в волосах — широкая лента. Вот так, наверно, она выходила на сцену петь Юлькину песню. Фонарь, горящий у двери, снова зажег оранжевые огоньки в ее волосах, еще неяркие в слабых сумерках.

— Ты?.. Зачем приехала?

Дюк схватила ее за руку и увела от освещенной двери, где стояли женщины в белых халатах. А Юлька спохватилась тут же, что ничем не может оправдать свое появление здесь. Ведь не скажешь же, что просто хотела увидаться...

— От м-мамы пришло письмо. Она п-пишет, что нам дают квартиру, и, м-может быть, мне придется уехать раньше...

— Ты пришла проститься? — спросила Дюк.

Такого вопроса Юлька не ожидала! Если бы она ответила сейчас «да», это было бы все! И Дюк, и дед, так и не узнавший о Юлькином приезде, и дом на холме — все ушло бы навсегда, навеки, словно и не существовало никогда! И Юлька промолчала.

— Саратовский поезд уходит ночью, — сказала Дюк. — Но, наверно, сейчас очень трудно с билетами.

— Да! — охотно поддержала ее Юлька. — Очень трудно! Когда я сюда ехала, м-мы так и не достали билет на поезд...

Она чуть не проговорилась, что летела сюда на самолете. Ведь Дюк тогда могла вспомнить, что есть еще и самолеты!

— Говорят, на вокзале в кассу длинная очередь.

— Если я не достану н-на сегодня, то утром п-приеду сюда. М-можно?

— Можно, — сказала Дюк. — Слушай, ты же промокла насквозь. Подожди меня здесь, я принесу тебе что-нибудь переодеться.

Она принесла Юльке свою куртку и лиловые бриджи, они прошли в беседку, и Юлька переоделась. Потом Дюк раздобыла для Юльки чашку чая, дала ей косынку из куска болоньи, от дождя, и пошла провожать ее до электрички ближней дорогой.

Узкими тропинками они пересекли парк и вышли к крутому и заросшему лесом склону холма. Лес казался совсем темным в еще не загустевших сумерках, опавшие листья слежались в плотный ковер, под ним хлюпала вода. Кончился лес вместе со склоном, и они очутились на берегу маленькой речки, сняли обувь и пошли вдоль берега к озеру босиком по воде. Юлька шла позади Дюк и все время старалась попасть ногами в ее следы, остающиеся под темной водой на песке, которые можно было хорошо различить, если наклониться пониже, но каждый раз не успевала это сделать — вода стремительно смывала их, и Юлька оставляла за собой следы свои собственные, Юлькины...

— А почему все-таки ты Дюк?

Дюк ответила не сразу. Она так долго молчала, что Юльке даже показалось: она не хочет отвечать. В Юльке снова стала закипать обида.

— Когда-то в Древней Руси были имена Гюрги и Дюрги. И Дюк тоже. Все от одного корня, — сказала Дюк. — Это уже потом вместо них пришли Георгий, Юрий, Егор. У деда когда-то была партизанская кличка — Гюрги. Ведь он Георгий. Дядю Егора он в шутку называл Дюрги. Значит, я — Дюк. Ведь Юрий у нас в семье так и не родился. У папы не было сына, а дядя Егор погиб под Черниговом.

Куртка Дюк была теплая, на подкладке, но Юлькиным рукам вдруг снова стало холодно, словно тот холодок от застывших серебряных лучей так и остался в ее ладонях...

— И я — Дюк?..

— Ты? Не знаю!

Снова что-то горькое прозвучало в голосе Дюк и передалось Юльке уже знакомым сожалением о чем-то таком, что прошло мимо нее навсегда, докатившись до нее лишь эхом отцовских песен да короткими письмами издалека: «Здравствуй, Юля, ну как ты живешь и что у тебя нового в жизни?..»

Сумерки стали густыми. Где-то вдалеке, за холмом, опять загромыхал гром. Позади, на темном фоне холма, зажглись беспокойные огни в распахнутых окнах дома под красной крышей. Юльке снова вспомнился Глаз Бури, о котором рассказывала Дюк. Казалось, там, в доме, кому-то было тревожно и беспокойно, как майору из отцовской песни: «Когда полыхают зарницы и молнии режут простор, не спится солдатам, не спится, не правда ли, товарищ майор?..»

Они вышли к еще не освещенной фонарями пустынной дороге и пошли рядом. Это было замечательно — идти по земле в Дюковой куртке, в Дюковых лиловых бриджах, в Дюковой косынке и даже с Дюковой аэрофлотной сумкой через плечо, в которой лежал промокший

Юлькин костюмчик. Совсем как в том недавнем сне, когда Юлька вела за собой маленького детсадовского Сына и прищуривала глаза, разглядывая свои ресницы... Только теперь рядом с ней шла сама Дюк в платье, похожем на Юлькин костюмчик с плиссированной юбкой, и уж совсем нельзя было определить, кто в кого переселился — Юлька в Дюк или Дюк в Юльку...

Темнота окутала землю, но полоска неба вдалеке — там, на горизонте за городом, еще светилась, словно кто-то на яркий красный фонарь накиннул темный платок, надеясь на его черный цвет, но красный свет все равно пробивался и согревал небо. Нет, никогда в жизни Юльке не было так жаль ушедшего солнца и трех товарищей из города Эн, замученных фашистами.

Они с Дюк шли рядом по мокрому шоссе, и Глаз Бури с холма все смотрел и смотрел им вслед тревожными, распахнутыми окнами. Кому-то не спалось в этом доме на холме, где жили люди, все еще не забывшие о своих старых ранах.

* *
* *

На коротенькой высокой платформе, под вывеской с названием станции, освещенной одиноким фонарем, они простились холодно и коротко. Дюк молча протянула Юльке крепкую руку с сильными неподатливыми пальцами, а Юлька, зная почти наверняка (уже решившая это), что билет на саратовский поезд она сегодня не достанет, не очень крепко пожала эту руку.

— А может быть, все-таки вы с дедом надумаете приехать к нам погостить?..

Юлька тут же спохватилась, поняв, что произнесла давно знакомую ей фразу из дедовых писем!..

— Не знаю, — сухо сказала Дюк, — все-таки ему семьдесят четыре...

Дюк ушла. Электричка подкатила к платформе через несколько минут, но Юлька в город с нею не уехала. Потому что открытие, сделанное ею за несколько секунд до того, как электричка подошла к платформе, было неожиданным и даже слегка оглушило Юльку.

Протяжный гудок подходящей к платформе электрички был похож на тревожный крик «а-а-а», разбудивший Юльку в ту ночь, когда пришла Дюк. И еще — на долгий зов военной трубы, когда поднимают солдат в атаку...

Первое слово в первой строчке на рукоятке браунинга было ГЮРГИ!

И вслед за этим разгаданным ею словом пришло и другое, вдруг сразу ставшее совсем понятным и знакомым — «салудо»!..

И третье слово, перехваченное до половины металлической пластинкой, — «камар»!..

«Салют, камарадос!»

Ведь еще была Испания!

* *
*

Юлька знала, что следующая электричка все равно догонит и перегонит ее, но все-таки она пошла пешком, потому что сидеть на пустой платформе под одиноким фонарем было невыносимо. Она шла вдоль темного озера, похожего на Финский залив, от которого тянулся ветерок, застывая тяжелой сырой прохладой в листве деревьев, под которыми шла Юлька, и на Юлькином лице, и на ресницах. Деревья на темной дороге, шелестящие над Юлькиной головой, казались огромными, днем они не были такими. И вообще почему-то все стало казаться ей больше: деревья, беззвездное небо над головой, ночное озеро за деревьями, а дорога, по кото-

рой она уже шла один раз, стала длиннее. Словно Юлька делалась меньше ростом! Словно возвращалось к ней детство! Словно все надо было начинать сначала — заново жить, заново расти, как тому Юлькиному Сыну из сна, вдруг превратившемуся из великана в карлика...

Оттого что дорога на этот раз была длиннее и страшнее от темноты, Юлька устала до слез. Но она не плакала. Слезы всегда оставались на ее ресницах, и тогда лишний раз пришлось бы убедиться в том, что они у нее не короткие и не жесткие... Будто бы ей уж очень нужны эти короткие и жесткие ресницы!

8. БЕГСТВО

Было уже очень поздно, когда Юлька подошла к дому на Мельничной, однако возле подъезда под ярким фонарем толпились мальчишки. Кто-то из них брэнчал на гитаре, кто-то горланил песню, а сверху, с третьего этажа, высунувшись в окошко, какая-то женщина сердито и, наверно, очень давно ругала их:

— И когда это кончится? Ну скажите мне, когда это кончится? И когда этот ваш базар милиция разгонит?

Вот выхлестну сейчас кипятку на вас, горлодеры несчастные!

А Юльку вдруг сразу словно легкой волной подняло почти до крыши дома и плавно опустило обратно на тротуар. Тот, что брэнчал на гитаре, был он! Юлькин!

Юльке стало весело, тетка в окне показалась ей доброй-предоброй ведьмой, а его друзья, толпящиеся у подъезда, как и те девчонки на скамейке в скверике, стали вдруг ужасно знакомыми, ужасно своими. Она смело пошла к подъезду и смело вошла в круг света, падающего на асфальт от высокого фонаря. Тут же гитара умолкла, а Юлька в то же мгновение вспомнила, что на ней не костюм с плиссированной юбкой, а старые Дюковы бриджи и волосы, так старательно уложенные утром в прическу, прикрыты и смяты некрасивой темной косынкой из болоньи... Юлька, ахнув про себя, сейчас же отступила назад. И тогда неожиданно ее окликнули:

— Эй! Певица!

Мгновенная темнота окружила Юльку, словно она снова оказалась на темной лестничной площадке у почтовых ящиков, где не светила перегоревшая лампочка. Но ветер тут же качнул фонарь, и свет захлестнул Юльку с головы до ног...

— Да это не она! — сказал кто-то. — Это же та, новенькая! Дедушкина внучка. Внучка за бабушку, бабушка за дедушку...

— Не она! — удивленно согласился золотой. — А похожа здорово.

— Не она похожа, брюки похожи!

— На кого, на кого похожа? О ком вы?

— Да на Юльку Витанович похожа из сорок восьмой!

— А, это та самая, которая тебе по физиономии врезала?

— За что, за что врезала?

— А он батькину награду на какое-то барахло выменял! Дубина!

— На что, на что выменял, а?

В следующее же стремительное мгновение Юлька поняла, что так мучило и беспокоило ее там тогда в беседке, после того как она убежала от человека с осколком в сердце. Встреча на лестнице в темноте! Ведь это не ее, не Юльку били! Юльку приняли в темноте за Дюк! Приняли по песне, которую она пела, спускаясь по лестнице. . По песне! Как и тот военный в парке!

— Да на что, на что выменял?

Холодок пробежал по Юлькиным рукам — как тогда, когда она держала в руках звезды с застывшими лучами, хранящими в себе отблески далекого боя и гул военных самолетов, который она не слышала никогда, но который не давал ей покоя в сумерки и в лунные ночи. И зов военной трубы, поднимающей в атаку солдат... И взгляд Егора Витановича из-под коротких жестких ресниц, убитого навсегда, навеки!

Она пошла к тому, к золотому, пересекая огромный, ставший безбрежным океаном световой круг на черной земле...

— Ты чего? — спросил он удивленно, пряча гитару за спину. — Чего ты?

Она не успела подойти к нему вплотную. То ли его просто испугало ее лицо, то ли она стала похожа на Дюк, и он понял, что она его может ударить! Он отступил, а правой, свободной рукой толкнул ее в плечо.

Удар оказался сильным для Юльки, и она, с отчаянием успев подумать о том, какая все-таки она, черт ее

побери, легкая, отлетела к самому фонарному столбу, ударилась об него, снова поранив разбитый локоть... Она оттолкнулась от столба и снова под недоумевающие крики мальчишек пошла на золотого.

— Ты знаешь! — сказала она ему звенящим тонким голосом. — Я тебя поближе рассмотрела, и ты мне не понравился!

На этот раз он толкнул ее еще сильнее.

— Бешеная! Вот бешеная! И чего привязалась!

Она от его удара снова отлетела в сторону, снова проклиная себя за то, что она такая легкая и слабая.

Сверху, из окошка, добрая ведьма с кипятком закричала:

— Девочку избивают! Хулиганье!

Но Юлька все-таки поднялась раньше, чем разбежались мальчишки и прежде чем из подъезда дома подбежали к ней какие-то люди.

— Это не м-меня избивали, — сказала им Юлька. — Это я избивала. Я п-первая!

Ей не поверили, подобрали ее аэрофлотную сумку и проводили до самых дверей квартиры...

Рояль за день устал от тишины. Он принял принесенные Юлькой звуки: скрип старого паркета под ногами и щелчок выключателя — приветливо и радостно. Эхо в нем не умолкало долго и долго жило в самой Юльке, как будто в Юлькиной груди задела белый клавиш. Она вспомнила, как сердито встречал рояль Дюк, когда та небрежно швыряла на него аэрофлотную сумку. Рояль ждал именно ее, Юльку, ждал долго. Может быть, с того самого дня, когда она совсем маленькой слушала его голос, а за спиной ее были руки отца, готовые в любую секунду поддержать ее, если ей вдруг вздумается плюхнуться с дивана. А за окном было солнце, и голубое озеро, и далекий зеленый холм с Юлькиным домом под

красной крышей... От кого пришла к Юльке музыка, жившая в ее сердце? От отца или от деда? Или от Егора Витановича, убитого под Черниговом?

Юлька на цыпочках пошла через комнату к роялю и тут же наткнулась на упакованный и закрытый на все замки чемодан.

— Пошел ты к черту! — сказала ему Юлька и заплакала...

Она осторожно переоделась. Она продолжала двигаться по комнате осторожно, на цыпочках, боясь дотронуться до вещей, к которым, конечно же, прикасался дед — точно она могла причинить им боль своим неосторожным прикосновением.

Промыв разбитый локоть, она достала из чемодана и разорвала на чистые тряпки свой еще не старый халатик и бережно вытерла пыль со стола, рояля, со спинки дивана и с подоконников. Только шкаф она не тронула, словно и он сам, и то, что хранилось в нем, было неприкосновенным.

— Здравствуйте! Я — Дюк! — сказала она дедову старому пальто, висящему на вешалке в прихожей. — Здравствуйте! Я — Дюк!

Потом она долго бродила по пустой комнате — от стенки к стенке, невесело думая о том, что ведь все равно ей придется уехать. Не завтра, так послезавтра. Не послезавтра, так на следующий день. А если не уехать, то что сказать Дюк? Ах, если бы дед был одиноким и забытым! Но он не одинок и не забыт!

На темной улице, внизу, за распахнутым окном, шевелилась похолодевшая листва деревьев, и ветер залетал в комнату. Осень, наверно, сюда приходила раньше, чем в Саратов. Лето здесь уже кончалось.

Ощущение того, что кончилось для нее что-то, не

оставляло Юльку. Словно кто-то вдребезги расколотил голубой, подогретый теплым солнцем стеклянный колпак над Юлькиной головой, центр которого всегда был над Юлькой. И что-то большое, новое шло теперь к ней вместе с бездонным, незнакомым небом, открывшимся перед ней за разбитым стеклом теплого колпака, и с безудержным ветром, врывающимся в раскрытое окно и хлещащим ладони.

Было около полуночи. Дом уже затих, и улицы внизу, за окнами, тоже. И небо, затянутое тучами, было безмолвным и темным. Но темнота на этот раз не пугала Юльку. Может быть, потому, что там, в темной дали за озером, по-прежнему светился далекий огонек. Его хорошо было видно отсюда, с четвертого этажа. Он светил ярко, не мерцая, и, чтобы лучше его видеть, Юлька погасила в комнате свет и уселась на подоконнике. Кому-то не спалось там, в доме на холме. Может быть, майору, принявшему когда-то мертвый металл в живое сердце?

И чудится снова майору:
Идут от реки до реки,
Идут через доли и горы
Гвардейские наши полки...

Холодный ночной ветер с улицы достал до нее, и ей стало холодно. Она слезла с подоконника и включила свет, чтобы приготовить постель. Почему-то почти сразу же огонек на холме погас. Словно тот, кому не спалось, вдруг успокоился оттого, что в Юлькином окне зажегся свет. Она вспомнила, как пыталась вчера днем отыскать в стеклянном солнечном блеске свое окно и не смогла этого сделать. Но может быть, теперь, когда город спит, ее окно и ее огонек видны на холме?

Она постояла немного у окна. Огонек на холме не зажигался. Не гася света и не раздеваясь, она забралась

на диван и сжалась в комочек, чтобы согреться, однако не согрелась, руки ее по-прежнему были холодны.

Уснуть она не уснула, но, наверно, все-таки задремала, потому что звонок, раздавшийся в прихожей снова, как и тогда, напомнил ей тревожный крик.

— Ты, что ли, Юля? — спросила стоящая на пороге соседка-караульщица, когда Юлька распахнула дверь.

— Я... То есть, не я. А что?

— Господи! — добродушно сказала соседка. — И кто только тебя, тюфяка такого, одну в квартире бросил? Юлю из сорок восьмой к телефону просят. К нашему телефону. В прихожей стоит. Беги. Я дверь покараулю.

— К телефону?

По дороге в несколько торопливых шагов к чужой прихожей Юлька успела подготовиться к разговору с Дюк о билете, который Юлька так и не достала, а может быть, даже и о самолете и поэтому не сразу поняла, почему в похрипывающей трубке раздался сильный мужской голос.

— Я тебя разбудил?

Дрожь мгновенно охватила Юльку, трубка бешено заколотилась в ее руке.

— Кто это? — крикнула Юлька.

— Ты не кричи и не ругайся! Вернусь я в твоё Максимово. У меня дело в городе! Ты меня слышишь?

— Слышу! — срывающимся голосом крикнула Юлька.

— Я позвонил потому, что не знал, оставила ли ты ключ. Не хотелось зря подниматься по лестнице. А на Заозерку заглянуть не мог, автобусом ехал. Ты слышишь?

— Слышу!

— Почему у тебя голос такой взволнованный? Даже звенит! Что случилось?

Юлька хотела крикнуть ему, что у телефона не Дюк: вовсе, но тут же поняла, что не успеет ничего придумать, не сумеет объяснить ему, кто разговаривает с ним. А трубка по-страшному молчала, дожидаясь ответа.

— Что с тобой? — тихо спросил дед. — Повесь трубку, я сейчас поднимусь. Я здесь, у автомата...

— Постойте! — отчаянно крикнула Юлька в загудевшую трубку. — Подождите!

— Случилось что? — тревожно спросила соседка, заглядывая в прихожую. — Может, помочь чем-нибудь? Да ты трубку-то повесь, гудит без толку.

— Он сейчас придет, — пролепетала Юлька.

— Кто придет?

— Он!

— Да кто он?

— Дед!

— Ну и слава богу! Хорошо, коль на своих ногах возвращается.

— П-подождите! Я сейчас!

На онемевших ногах Юлька бросилась к себе. На часах было пятнадцать минут двенадцатого. Ближайший телефон-автомат, кажется, был на Центральной. Значит, придет он минут через десять... Внизу, на лестнице, стояла страшная, изнывающая тишина.

«Здравствуй, девочка. Ты кто?»

«Здравствуйте. Я — Дюк».

«А почему, собственно говоря, ты Дюк? С какой стати?»

Вот именно — с какой стати?.. И письмо! Ужасное письмо, написанное Юлькиной рукой! «Здравствуйте, уважаемый Георгий Александрович... В этом году приехать не сможем. Всего Вам хорошего».

Юлька надела плащ, села зачем-то на чемодан,

Раз, два, три, четыре, пять... Еще десять секунд про-

шло... А может быть, есть еще автомат в том, в ленинградском переулке? Тогда, значит, дед совсем рядом... «Здравствуйте, уважаемый Георгий Александрович...»

Раз, два, три, пять, девять...

Где-то на лестнице хлопнула дверь — то ли наверху, то ли внизу... Внизу!

Юлька, тихо вскрикнув, схватила чемодан и бросилась к двери.

Дверь захлопнулась за ней с треском, загремев на весь дом.

Ключ!

Она всей ладонью с силой нажала на кнопку звонка у соседкиной двери.

— Что? — сейчас же высунувшись из двери, встревоженно спросила соседка.

— Ключ! — шепотом крикнула Юлька, бросая ключ от двери в ее ладонь.

— Господи боже мой! Куда же ты на ночь глядя? Деду-то что сказать?

— Скажите — уехала... Н-на Заозерку... Срочно.

Можно было бы подняться наверх, на пятый этаж, и переждать, пока он войдет в квартиру, но соседка с ключом торчала в дверях, не уходила и даже причитала что-то удивленным голосом.

А Юлька, подхватив неподъемный чемодан обеими руками, проклиная его, бросилась вниз. Чемодан колотил ее по коленкам, но она все-таки, спотыкаясь, побежала по лестнице. Надо было встретиться с ним где-нибудь на площадке между этажами, туда почти не доставал свет электрических лампочек с квартирных площадок, там было полутемно...

Однако она не успела добежать и до первой спасительной полутемной площадки, как звук шагов, оглушительный в гулкой тишине лестницы, отозвавшись в

Юлькином сердце, замер где-то на третьем этаже, внизу. Потом так же оглушительно заскрежетал ключ в замочной скважине. Дверь где-то на третьем этаже открылась, захлопнулась снова, и на лестницу вернулась тишина. Не он!

У Юльки совсем ослабли ноги, и она чуть не загремела с последних ступенек. Удалось все-таки удержаться, упершись чемоданом в стенку...

Все! Дверь подъезда захлопнулась за ней, и она оказалась на темной полуночной улице. Несколько прохожих маячили там, на углу, где Мельничная вливалась в Центральную. Юлька, втянув голову в плечи, сразу перебежала на противоположную сторону Мельничной, свернула в переулок и, волоча тяжелый чемодан, пошла в темноту.

Она остановилась, лишь окончательно выбившись из сил. На незнакомой тихой улице, плохо освещенной редкими фонарями, не было ни одного прохожего, но Юльке почему-то не стало страшно, хотя темных ночных улиц она всегда боялась. Лишь один раз ужас охватил ее — когда она вспомнила про кошелек с деньгами. Но кошелек оказался в кармане плаща, она сама его туда переложила из кармашка Дюковой куртки, когда переодевалась после драки с золотым. От этого совсем уже лишнего сейчас переживания у нее пересохло в горле, ослабли колени, и она опустилась на чемодан.

Мимо прошел одинокий прохожий, и, когда он замедлил шаг, заинтересовавшись Юлькиной грустной фигурой на чемодане, Юлька спросила у него тоненьким замаскированным голоском, словно была какая-то необходимость маскироваться в этом чужом темном городе:

— Скажите, п-пожалуйста, как пройти к Главному почтамту?

— Пешком не выберешься, — сочувственно ответил прохожий. — Ступай лучше к четверке, полуночница, она вывезет. Через два квартала налево.

Четверка оказалась тем самым стареньким дребезжащим трамваем, который вез когда-то Юльку на окраину города ко Второй железнодорожной больнице и весело дребезжал в такт Юлькиным банкам с компотом. Дзяк-дзилинь, дзяк-дзилинь!.. Как хорошо было! Тогда ее ничуть не страшила встреча с дедом. А теперь она бежит, заметая следы, как преступница. Даже банки с компотом упаковала!

* * *

Билеты на саратовский поезд, уходящий через пять часов, в единственной еще работающей кассе были только в мягкий и уже кончались. Юлька ударилась в панику и отчаянно полезла к кассе. Кто-то снова обругал ее неуклюжий чемодан, но она все равно так упорно лезла, повторяя дрожащим замаскированным голоском: «Пожалуйста, позвольте, пожалуйста, позвольте», — что все почему-то засмеялись и пропустили ее к окошку.

Получив наконец-то билет, она отыскала свободное местечко на скамье в зале ожидания, достала из чемодана блокнот, склеившиеся конверты и нацарапала коротенькое письмецо Дюк. «Юля! Я достала билет в мягкий. Все благополучно. Тот, которого ты ударила и который живет на первом этаже в вашем доме, хочет тебя избить. Вечером по улице не ходи».

Надо было добавить еще что-нибудь. Но что? Юлька долго думала, но так ничего и не смогла придумать. Неужто ей нечего больше сказать Дюк?

Она вспомнила, как они расставались на платформе под одинокой вывеской и как Дюк без сожаления про-

тянула ей крепкую руку с сильными неподатливыми пальцами. А может быть, она простилась с Юлькой так холодно и так небрежно потому, что догадывалась — Юлька не достанет билета на поезд... А Юлька достала! В мягкий!

Она запечатала письмо и опустила его в почтовый ящик возле телеграфного окошка. Конечно, лучше бы послать письмо не на Мельничную, а туда, в дом на холме. Но Юлька не знала адреса на Заозерной.

Отыскав местечко на самой дальней забытой скамье, она устроилась поудобнее, подняв воротник плаща. Поезд уходил в шесть утра. Ночь на вокзале не была для Юльки в новинку. В позапрошлом году, возвращаясь от няни Мани, они с Любкой потеряли билеты и провели на вокзале в Курске целые сутки. Но тогда Юльке, несмотря ни на что, было весело...

9. ГЛАЗ БУРИ

К утру дождь, ливший всю бессонную ночь, прошел. Просохли крыши, тротуар у вокзала, и воздух стал сухим. Однако к тому времени, когда объявили посадку на саратовский поезд, снова начал накрапывать дождь — не разноцветный и не звонкий. Мелкие, почти невидимые капли снова быстро и незаметно покрасили непокрытую часть перрона и крышу вокзала в темный цвет. Вагонное окно в коридоре, к которому подошла Юлька, оставив

чемодан, было непрозрачным, рябым от дождя, и Юлька открыла его.

Вот и все! Словно и не было никогда ни Дюк, ни дома на холме, ни телефонного разговора с дедом, ни ее так печально закончившейся золотой любви...

— Отправляемся! — весело прокричала проводница, проходя мимо Юльки по коридору. — Провожающие, освободите вагон! Девочка, отойди от окна, пропустишься!

— В Саратове-то когда будем? — спросил кто-то, высунувшись из купе.

Родное слово «Саратов» сразу укутало Юльку с головы до ног во что-то мягкое и теплое — как будто она зарылась в нагретый солнцем песок на пляже, что напротив города, у нового моста. Что бы они там ни говорили, а такого пляжа здесь у них нет и быть не может... Наверно, мать удивится Юлькиному приезду. И Василий Леонтьевич тоже. Но что поделаешь? И ведь все равно они будут ей рады! И ей не придется держать в памяти встречу с Егором Витановичем и с человеком, у которого в сердце осколок...

Поезд тронулся. Капли дождя вместе с ветром ворвались в вагон и хлестнули Юльку по лицу.

— Девочка! Закрой окно!

Город ушел от Юльки как-то стремительно. Наверно, поезд сразу же свернул в сторону от него, и побежали, побежали за окном редкие, невысокие, одинокие дома. Выше за ними виднелась полоска голубого, уже освободившегося от дождевых облаков неба. День начинался, и это было хорошо — днем всегда светло и празднично, как на параде, а до сумерек еще далеко. И можно петь песни. Не те, не Юлькины, а те, которые поют все, — веселые, в которых нет тревоги и зова военной трубы.

— Холодно у окна-то! — сказала Юльке женщина,

соседка по купе, выходя в коридор. — Я смотрю — ты все стоишь и стоишь у окна. Что, грустно было расставаться?

— Да, — ответила Юлька. — Грустно.

— От матери уехала?

— Нет, — глотая щемящий комочек в горле, сказала Юлька. — От бабушки.

Слово это, такое ласковое и мягкое, произнесенное ею впервые не для него, а для чужих людей, вдруг стало каким-то твердым и шершавым, как кора погибшего дерева.

— Ты до Саратова едешь?

— До Саратова.

— Вот и хорошо. У нас в купе все до Саратова. Значит, ночью можно спокойно спать, никто не потревожит.

— А где первая остановка?

— Первая? В Максимове.

— Где?

— В Максимове.

— А к-когда?

— В семь пятнадцать, кажется. Больше часа без остановок гнать будем.

— А что там в Максимове? Город?

— Город не город, а станция. Вокзал. Все, как положено.

— И электричка ходит?

— Ходит. Чего ж ей не ходить! Все, как положено.

— До города ходит?

— До города.

— И автобус?

— И автобус ходит. Ты закрой окно. Холодно.

Юлька закрыла окно, и сейчас же дождь с силой ихлестал его и закрыл от нее мутной пеленой и небо, и горизонт, тронутый солнцем.

— Тебя как зовут?

— Юля.

— Хорошее имя.

Да! Так называют женщин из славного рода Гюрги-Дюрги-Дюков!

— Который час?

— Да скоро половина седьмого уже!

До Максимова, куда обязательно должен вернуться дед, оставалось сорок пять минут. Ровно сорок пять. Долгий школьный урок с невыученной главой из учебника, когда не знаешь, куда деться, и уйти никуда нельзя. И все равно вызовут к доске. И холодок от застывших серебряных лучей живет в ладонях!

Она прошла в купе, снова спросила у кого-то, который час. Прошло только две минуты. Она вернулась в коридор, к окну.

Бессонная ночь на вокзале была, пожалуй, самой беспокойной в ее жизни. Поезда уходили и приходили всю ночь. И, наверно, именно оттого, что все чего-то ждали, что-то тревожное жило в электрической дымке вокзального зала, и Юльке все время думалось: может быть, эта ночь в холодном зале ожидания похожа на те страшные ночи в бомбоубежищах, когда плыли, плыли к этому городу вражеские самолеты и голос радиодиктора размеренно, по-обыденному повторял: «Самолет противника над городом! Самолет противника над городом!..» А мимо Юльки все сновали и сновали неугомонные пассажиры, и среди них почему-то было очень много похожих на Юлькиного деда. И барабанил по крыше вокзала дождь, словно выстукивал тревогу...

Хлопнула дверь в конце вагона. Кто-то перешел из соседнего вагона и медленно пошел через коридор. Остановился почему-то за Юлькиной спиной... По-почему он остановился?.. М-может быть, он п-просто хотел заку-

рить... А м-может быть, хотел по-посмотреть в окно...
Пошел дальше. Ушел!

Зеленые кроны деревьев, плывущие за окном, вдруг слились в Юлькиных глазах в стремительную стрелу, готовую поразить кого-то насмерть!

Как она не подумала об этом раньше? Как она не догадалась еще ночью, почему дождь выстукивал тревогу и почему ей делалось тревожно и страшно, когда мимо нее шли люди, похожие на деда?..

* *
*

Юлька метнулась в купе, села на скамью, дрожащей ладонью провела по взмокшему лбу.

— К-какой час?

— Без двадцати семь.

То дело, о котором он говорил ей по телефону, это его новая поездка к Юльке! За Юлькой! Не может быть, чтобы он считал свой последний бой, бой за Юльку, проигранным! Он едет в Саратов! Если даже он и не собирался еще ехать тогда, когда разговаривал с ней по телефону, то ведь все равно же он догадался, кто провел у него в квартире несколько дней! Ведь рассказала же ему про Юльку соседка... И как Юлька удираала с чемоданом, тоже рассказала, наверно... И он бросился ее разыскивать! Он не нашел, не узнал ее на вокзале и теперь ищет в поезде... Он где-то рядом. Может быть, в соседнем вагоне... И ищет! А ему нельзя волноваться! Ведь ему уже семьдесят четыре!

Она вскочила и снова выбежала в коридор.

У соседнего окна стоял какой-то мальчишка, вдалеке — женщина с маленькой девочкой. Больше в коридоре никого не было. Кроны деревьев за вагонным окном уже не были похожи на стремительную стрелу, готовую

поразить кого-то, они плыли спокойно и мягко — поезд почему-то замедлял ход. Желтизна уже тронула ветви деревьев, они были по-осеннему поникшие, осень уже надвигалась на них, и они умирали... А ему уже семьдесят четыре!

Она вернулась в купе, наглухо задвинула дверь.

— Кажется, мы здесь остановимся, — удивленно сказала соседка по купе. — Разве это Максимово?

— Не знаю, — сказала Юлька. — Я посмотрю.

Она снова выбежала в коридор.

Там было пусто. За окнами плыл голубой горизонт, кроны деревьев исчезли, и тогда неожиданно сквозь запотевшее стекло с блестящими капельками дождя Юлька увидела знакомый холм, утонувший в зелени парка! Поезд шел тем же путем, что и электричка!

Юлька замерла, вцепившись руками в жесткую раму вагонного окна. Холм, притихший с утра, разворачивался перед ней тяжелой, темной от прошедшего дождя громадой, вот повернулся боком, показав ей зеленую гущину парка на склоне. Там, в чащобе, сцена с покатыми стенками, где Юлька пела песню о трех товарищах... Где-то там Дюк!

А поезд замедлял ход!

— Разве это Максимово? — снова спросил кто-то удивленно.

Мимо Юлькиного окна поползла знакомая платформа с вывеской над одинокой скамьей под навесом «Заозерная». Платформа ползла медленно-медленно, потом нерешительно качнулась в Юлькиных глазах и замерла, упершись прямо в Юлькино окно телефонной будкой. Остановился!

— Сколько мы здесь стоим? — захлебнувшись голосом крикнула Юлька. — Сколько мы здесь стоим?

Ей не ответили. Направо, к двери, побежала проводница. Из купе выглядывали пассажиры.

— Что случилось? Это же Заозерка!

— Разве не Максимово?

— Почему остановились?

— Семафор закрыт.

— Какой семафор? Его здесь никогда и не было!

— Не было, так есть.

— Не волнуйтесь! Сейчас поедem! Из пятого вагона человека снимают. Стоял у окна и грохнулся.

— Сердце, небось.

— Куда же его теперь? Надо было до Максимова везти.

— Говорят, не довезут.

— Говорят, сам просил на Заозерке снять... Родственники у него там, что ли...

— Молодой?

— Старик. Военный. С орденами.

— Отвоевался.

— Куда ехал-то?

— То ли в Астрахань, то ли в Саратов...

«А-а-а-а!» — по-страшному закричало что-то в Юльке, словно запела военная труба, поднимая в атаку солдат!

— Дедушка-а!

Пассажиры, стоящие в коридоре, расступились перед Юлькой. Это было единственное, чем они сейчас могли помочь Юльке — расступиться и дать ей дорогу... Юлька ворвалась в тамбур, где у раскрытой двери стояла проводница.

— Это мой дедушка!

— Господи, — вскрикнула проводница, отступая от двери.

Юлька прыгнула на мокрый жесткий перрон, кото-

рый больно ударил ее по ногам, словно хотел отбросить назад, в вагон. Утренний холод моментально охватил и сковал ознобом ее тело.

— Девочку возьмите! — закричала проводница кому-то стоящему на платформе. — С ним ехала!.. И чемодан! Чемодан!

Молодая женщина в плаще и в резиновых сапогах сейчас же подбежала к Юльке.

— Ты с ним? Почему в разных вагонах? Почему его бросила? Всыпать бы вам! Больного старика одного оставили!

— Чемодан возьмите! — крикнула проводница, протягивая со ступенек Юлькин чемодан. — Вот горе-то какое!

— Куда вы их высаживаете? Да еще с девчонкой! — сердито закричала женщина в плаще. — Кому он тут нужен? Надо было до Максимова везти. Думаете, из Заозерки приедут? Мало ли что сам просил!

Заглушая ее сердитый голос, загудел поезд за Юлькиной спиной. Толпа, стоящая вокруг скамьи под навесом, рассеялась, Юлька увидела скамью и лежащего на ней человека в военном. Она отчаянно вцепилась руками в ручку чемодана и замерла у края платформы.

— Не расстраивайся, дочка! — крикнул Юльке кто-то уже из окна вагона. — Сейчас за ним приедут! Им сообщили!

— Мы еще из Максимова позвоним туда, проверим! Его фамилия Колесников?

— Колесников! — сердито крикнула женщина в сапогах. — У меня его документ! Колесников! Из Астрахани!

Колесников! Из Астрахани!

Тихо ахнув, Юлька судорожно метнулась назад к вагонам... Но огромные зеленые коробки с мокрыми от

дождя окошками уже плыли мимо... Пассажиры, припав к окнам, с жалостью смотрели на Юльку. Они уезжали, а Юлька оставалась!

— Пойдите, — пролепетала Юлька железной громаде, набирающей скорость. — Я ошиблась.

Последний вагон безжалостно проплыл мимо нее.

* * *

Наверно, только-только прошла электричка, забрав ранних пассажиров. На платформе осталась лишь Юлька со своим чемоданом, сердитая женщина в сапогах и незнакомый человек Колесников, неподвижно лежащий на скамье под навесом.

— Спихнули — вот, и будет лежать тут до вечера, — нервничая, сказала женщина. — Посиди-ка возле него. Я еще в «скорую» позвоню. Смотри, чтоб не помер.

Она пошла куда-то в сторону билетной кассы, тяжело, расстроенно шлепая сапогами по дождевым лужам, разлившимся на платформе. Юлька осталась одна.

Человек на скамье, укрытый плащом, лежал на спине, и голова его, чуть запрокинутая, была повернута лицом в сторону холма. Что-то знакомое почудилось Юльке в этой позе, в этом повороте головы, но она не успела ничего вспомнить, она услышала, даже отсюда, издали, как прервалось его тяжелое, страшное дыхание, а рука его, лежащая поверх плаща, показалась ей мертвой.

— Гражданин, — делая несколько шагов к скамье, дрожащим голосом сказала Юлька. — Вы подождите, пожалуйста... Сейчас приедут. Им уже сообщили. И даже в «скорую» пошли звонить...

Он тяжело, с трудом, но без стога повернул к Юльке голову и сказал тихо и знакомо:

— А! Витаневич!..

Юлька вздрогнула. Сейчас же знакомым ароматом синего папиросного дыма, смешанного с запахом опавших зеленых листьев, пахнуло на нее от его плаща и старого кителя.

— Вот беда... какая, — сказал майор отрывисто, и Юлька поняла, что он пытается и не может никак улыбнуться неподвижными губами.

— Вам нельзя говорить! — воскликнула Юлька. — П-пожалуйста... Вы п-помолчите... П-пожалуйста...

Оставив свой проклятый чемодан, она подбежала к скамье и наклонилась над ним, пытаясь ладонями согреть его ледяную руку, лежащую поверх плаща. Но не сумела согреть...

Тогда она распахнула чемодан, вытащила из него все, что было у нее теплого, — все кофты, свитер, платок, сняла с себя плащ и укутала его большое неподвижное тело. Потом выдернула из чемодана еще какое-то барахло, положила ему под голову.

— Вы только не волнуйтесь! Вам нельзя волноваться!

Наконец он все-таки улыбнулся Юльке. Потом отвернулся от нее и остался лежать так, лицом вверх, и лицо его было спокойно. Словно до этого его беспокоило лишь одно — сможет или не сможет он улыбнуться Юльке... Промчалась мимо электричка — по второму пути, в город. Промчалась не остановившись. Не все здесь останавливаются — это еще Дюк сказала ей когда-то давным-давно... Вихрь, оставленный на платформе промчавшейся электричкой, улегся не сразу, разметав, расшевелив его седые волосы.

Вернулась к скамье женщина в сапогах.

— Дозвонилась, — сказала она. — Да как уж «скорая» доберется сюда, не знаю. Дорогу-то размыло. Всю

ночь лил. Из Заозерки, черти, не приедут, небось. Ты что, правда, оттуда его везешь?

— Да, — сказала Юлька, и ни Любка, ни Наташа на этот раз не посмели засмеяться за ее спиной...

— На Заозерке-то кого-нибудь знаешь?

— Знаю. Вы п-покарауйте его, п-пожалуйста!

Она осторожно высвободила руку из-под его головы и, прижав ее ладонью к отчаянно колотящемуся сердцу, словно ладонь эту, прикасавшуюся к его неподвижному, тяжелому телу, надо было держать обязательно возле чего-то живого, бьющегося, вихрем слетела с платформы на мокрую землю. Земля сейчас же крепко привязала ее к себе размокшей вязкой глиной. Не добежать! Та близкая дорога к парку, по которой они шли тогда с Дюк, была где-то здесь, рядом — вдоль речки, потом по тропинке вверх. Но где ее теперь искать?.. Она бросилась к холму напрямик, без дороги, к крутому склону, почти обрыву и, задыхаясь, с трудом вытаскивая ноги из вязкой глины, полезла наверх. Она скинула с ног старенькие, еще ни разу не предавшие ее туфли, но все равно бежала медленно. А надо было лететь, нестись, мчаться по воздуху!

Мокрый склон был совсем крутой, без тропинок, и здесь не росли кусты, за которые можно было бы уцепиться. Юлька поползла вверх на коленках, и слезы капались по ее щекам, смывая с ее лица все ту же липкую и вязкую грязь. Скорее! Скорее! Она проклинала себя за то, что она такая тяжелая и неповоротливая!

Наконец-то она доползла до ограды и поднялась на ноги. Теперь надо было найти вход в парк — дыру в ограде. Но куда повернуть, налево или направо?.. Она в отчаянии вцепилась в прочные железные прутья ограды, пытаясь их выломать и проклиная себя снова за то, что она такая слабая.

— Человек умирает!

В парке за оградой было тихо. Только с деревьев изредка падали на землю с тяжелым стуком задержавшиеся на время в листве капли дождя. Юлька побежала вдоль ограды.

— Человек умирает!

На ее голос откуда-то снизу, за ее спиной, отозвался протяжный вой сирены. Юлька обернулась. Сверху хорошо было видно дорогу, ведущую к холму. По этой дороге от главного входа в парк к платформе, не видимой за деревьями, бешеной стрелой летела длинная белая машина с красным крестом. Сирена кричала громко, хотя на дороге все равно никого не было. Словно призывала кого-то на помощь! Юлька выпустила из рук железные прутья ограды. Скорее! Скорее!

Она бросилась вдоль ограды в ту сторону, где на склоне не росли деревья и откуда можно было увидеть платформу электрички, к которой умчалась машина. Юлька бежала, спотыкаясь и скользя, сбивая до крови пальцы на босых ногах. Она выбежала к обрыву, но платформы с вывеской все равно не было видно.

Внизу под обрывом виднелись ворота парка и вход в главный корпус. И ворота, и главный корпус хорошо были видны отсюда. И дорога тоже хорошо была видна, но машины на дороге все еще не было. Почему она не возвращается? Пора! Юлька до боли в глазах вглядывалась в дорогу. Машины не было!

Тишина, разбитая несколько минут назад сиреной, снова вернулась в парк. Казалось, она пропитала собой насквозь все: и землю, и рассеивающиеся в небе облака, и лес на склонах холма. Наверно, так бывает, когда Буря смотрит тебе в лицо предательски спокойным и тихим глазом...

Юлька стояла долго на обрыве, у нее заledenели босые ноги и онемели руки, вцепившиеся в прутья ограды.

А потом машина все-таки появилась. И ехала она не торопясь, по-странному спокойно. А когда остановилась внизу, у главного входа, люди в белых халатах вышли из нее молча, тоже никуда не торопясь. И те, что вышли к ним навстречу из дверей главного корпуса, тоже молчали и никуда не торопились.

А потом она увидела: дверцы распахнулись, его вынесли на носилках из машины и накрыли плащом. Но не так, как накрывали там, на скамейке... А так, как накрывают мертвых.

Юлька выпустила из рук жесткие прутья ограды. Туман, похожий на синий папиросный дым, смешанный с запахом опавших листьев, снова поплыл перед ее глазами, и она так и не увидела, куда унесли человека с осколком в сердце, который умер у нее на руках и которому она так и не допела свою песню:

Их закопали за городом
Возле разрушенных стен.
Вот как погибли товарищи
В маленьком городе Эн...

* *
*

Она отыскала тропинку, ведущую с холма к дороге, и стала спускаться. С этой тропинки было видно все далеко-далеко.

Где-то там, за серыми рельсами, сквозь деревья просвечивала синеватая гладь озера, похожего на Финский залив. Платформа с одинокой вывеской, залитая дождем, казалась отсюда, издали, маленьким блестящим квадратом... По платформе бродила по-кукольному ма-

ленькая женщина в сером плаще, собирала разбросанные Юлькины вещи.

А за озером, в городе, уже было солнце, и солнечный стеклянный блеск слепил Юльке глаза. Словно тревожные огни зажглись разом во всех окнах оттого, что погас тот огонек, что горел вчера вечером на холме... Словно взорвался Глаз Бури!.. Тревога! Тревога! Тревога!

Вчера ей казалось, что невозможно отыскать в стеклянном солнечном блеске окно комнаты, где в старом рояле жило старое эхо. А теперь она ясно видела его. Вон то, за деревьями, слева, горящее самым ярким солнечным огоньком... Даже когда Юлька закрыла глаза, чтобы смахнуть капли уже прошедшего дождя со своих коротких и жестких ресниц, огонек этот все равно остался с ней и продолжал светиться под ее сомкнутыми веками. И снова ей показалось: что-то кончилось для нее и что-то начинается для нее сначала.

Но ведь не детство же возвращалось к Юльке! Шла к Юльке жизнь — с еще не придуманной Юлькиной музыкой, что пряталась в дожде и в деревьях. С Юлькиным Сыном, еще не выросшим в великана! С зеленым Юлькиным холмом, где в доме под красной крышей жили люди, принявшие когда-то мертвый металл в живое горячее сердце. Было это на Юлькиной земле, под Юлькиным небом...

А еще была Испания!

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. «ГДЕ-ТО ЕСТЬ ГОРОД, ТИХИЙ, КАК СОН»	5
2. ВСТРЕЧА	17
3. ЧУДО!	32
4. НОЧНАЯ ГОСТЬЯ	41
5. ДВОЙНИК!	54
6. ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА	65
7. ОТКРЫТИЕ	86
8. БЕГСТВО	101
9. ГЛАЗ БУРИ	113

Галина Даниловна Ширяева

ГЮРГИ-ДЮРГИ-ДЮК

ПОВЕСТЬ

Для среднего и старшего школьного возраста

Художник В. Успенский

Редактор В. Коркина

Художественный редактор В. Иванов

Технический редактор Л. Андропова

Корректор С. Бухман

НГ13041, Сдано в набор 12/III-1970 г.

Подписано в печать 29/IV-1970 г. Формат бумаги
70×108¹/₃₂, типографская № 1. Усл.-печ. л. 4,8 (8).
Уч.-изд. л. 5,3. Заказ 567. Тираж 150 000. Цена 17 коп.

Приволжское книжное издательство.

Саратов, Вольская, 81.

Производственное объединение «Полиграфист».

Пр. Кирова, 27.

17 к.

**ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1970**